

КАРИНА ВРАН

ДНЕМ С ОГНЕМ

ОГНЕВИК

Огневик

Карина Вран
Днем с огнем

«Карина Вран»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Вран К.

Днем с огнем / К. Вран — «Карина Вран», 2021 — (Огневик)

Никогда не геройствуйте, если можете этого избежать. Не открывайте через силу двери, закрытые перед вами. Иначе никогда не сможете вернуться к тому миру, что вы оставите за дверью. Но если вам девятнадцать, как Андрею Бельскому, и вы, как и он, слишком хорошо воспитаны, чтобы пройти мимо крика о помощи – дерзайте. Вам жить с последствиями. Прекрасный, дождливый Питер, мир Ночи – созданный Андреем Васильевым.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Вран К., 2021
© Карина Вран, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Карина Вран

Днем с огнем

Может ли кто взять огонь за пазуху, чтобы не прогорело платье?
Царь Соломон. Книга притчей Соломоновых

Все персонажи, места, заведения и события являются плодом воображения автора, совпадения случайны.

Возможно.

Эту историю давно следовало записать. Сесть, выдохнуть решительно, отбросить неловкость и облечь события той поры в печатную форму. Впрочем, Кошар убежден, что писать обязательно нужно от руки (хорошо хоть не по берестяным листам писалом), но история моя, и только мне решать, как с ней обходиться. Ему вообще нет полной веры: по его заверениям, память моя с той поры должна была сохранить все в целостности, тогда как я нахожу в воспоминаниях прорехи, туманные пятна и порой даже теряю нить событий.

Впрочем, это не важно. Как помню, так и запишу.

Почему я не занялся этим в те дни и почему решил окунуться в прошлое теперь? Тогда я был в основном слишком занят тем, чтобы перейти в новый день без потерь (и речь вовсе не о презренном металле или жалких бумажках), теперь – потому что прошлое, отжитое и отгоревшее, снова постучалось в мои двери.

Пора закруглять вступление, пока скалящийся надо мной Кошар не вывихнул себе челюсть.

Все завертелось в начале двухтысячных, когда...

Нет, не с этого следует начать. Меня зовут Андрей Дмитриевич Бельский, я был тогда и сейчас остаюсь толстяком. А еще я – огнетушитель.

М-да, снова что-то не то... У кое-кого точно треснет челюсть от моих потуг на исповедь.

Мне тогда только-только стукнуло девятнадцать, я учился и работал, раз в месяц выслушивал наставления от ма, питался полуфабрикатами, эпизодически злоупотреблял спиртным, причем, как правило, по утрам. Выпивка утром была следствием ночного графика работы, сменами два через два с двадцати ноль-ноль до восьми ноль-ноль. Бывало, что отпускали пораньше, если зал был пустой. И наоборот, случались овертаймы, если народ массово засиживался. Дневная смена, в которой вполтину меньше людей, «не вывозила» толпу.

Я был твердо убежден в своей взрослости и независимости. Телефонные нотации ма из Парижа только тешили это мое убеждение. В страну романтики и шампанского она укатила из не менее романтического, пусть и с менее удачным климатом, Санкт-Петербурга аккурат после моего совершеннолетия. Спустя год, как преставился па. Я же Питеру верен: в нем родился, вырос, и последний вздох надеюсь испустить в нем.

От родителей мне осталось две квартиры: та, где мы жили втроем до ухода па, и доставшаяся в наследство от каких-то дремучих родственников со стороны ма. Когда я остался один в родных стенах, понял, что жить там не смогу. Сдать жилье – что-то внутри воспротивилось. Не интуиция, думаю, будь она у меня – я бы позже не вляпался...

Вот как-то так я перебрался в непрезентабельную однушку с видом на парк имени Академика Сахарова, где из мебели имелись только древний кухонный гарнитур с провисающими дверцами, скрипучий шкаф да стол с парой потертых стульев.

Итак, я был студент государственного экономического университета. Раздолбай, а не студент, если быть точным: по юношеской наивности мне верилось, что совмещать дневное обучение и работу по ночам для здорового меня – отличная затея. Я отмучился два семестра, с

грехом пополам сдал первую сессию и чудом (к чуду прилагались невзрачные конвертики без марок с шуршащим содержимым) не завалил вторую. Потом моей сознательности хватило на перевод на заочное. Мои коллеги-студенты по ночному труду в основном пошли тем же путем. А те, кому самомнение помешало признать очевидное, позже гордо заявляли, что в наши дни никому не нужны эти корочки. Самые упертые вздергивали подбородки: «Меня не исключили. Сам ушел (ушла)!»

А студентов в моей смене был каждый второй, да из каждой первых – половина. Состав у нас был молодой, бойкий. Работали мы, собственно, в казино.

Рулетка, покер (оазис), блэкджек. Не надо шуток про продажных дам, мы, к счастью, уже не застали пору, когда можно было ткнуть пальцем в девочку-дилера и затребовать ее к себе «в номера», эта дикость осталась в махровом прошлом или в самых низкосортных казино. Наше к таковым не относилось, да и номеров в нем не было.

Были: игровые автоматы на первом этаже, мы к ним никакого отношения не имели, у нас даже охранники были разные; два зала: общий (шестнадцать столов) и ВИП (еще шесть столов на первом этаже). Плюс спортбар с большими экранами – он тоже нас никак не касался. И для сотрудников помещения, само собой.

Каким ветром меня туда занесло? Так ма укатила, ни контроля, ни лишних финансов. Мне жизнь пайиньки-студента (лекции-библиотека-дом) оказалась пресной на вкус. Где-то мне попала на глаза рекламка об открытии и предварительных тренингах, так я и угодил в дилеры.

Оказалось, что умение быстро считать там ценилось важнее внешних данных. Закручивать спин и делать шафл можно научить и обезьяну – это я не применительно к себе, а пересказываю Драгана, одного из менеджеров, владеющего великим и могучим далеко не идеально. Драган был из Сербии; у нас вообще среди менеджерского состава русской была только Нина, дама стальной выдержки лет эдак сорока с хвостиком, владевшая пятью иностранными и малой долей в игорном нашем бизнесе.

Тейбл-тест я сдал одним из лучших, и это с учетом того, что мне срезали баллы за шафл: красиво и аккуратно тасовать колоду своими большими руками я научился далеко не сразу. Тянул углы карт слишком сильно, слишком резко отпускал. Но ничего, время показало, что лысый черт Драган (лысый – это в прямом смысле, голова у него, как рулеточный шарик, круглая, гладкая и бледная) полностью прав – всему можно научиться.

Насчет внешности: может показаться, что я комплекую. Одно время так оно и было – а излишне пухл я еще с пеленок – затем как-то обвыкся. Ма, тонкая во всех смыслах и эмоциональная натура, разрывалась между желанием не выпускать меня с диеты и: «Ребенок должен нормально питаться».

В конечном итоге па, не выдержав мамулиных переживаний, отвел меня в секцию бокса. Самолично.

Чтобы понять всю масштабность события, надо знать, каким был па: петербургский интеллигент старой закалки, заведующий кафедрой математической лингвистики, чопорный, дотошный и умный. Па носил трость и пенсне, его манжеты и воротничок всегда были кипенно-белы. Я точно знаю, что в гардеробе, помимо костюмов, белья и сорочек, имелись фрак и цилиндр. Он не переносил резких запахов и громких возгласов. Находил поговорку на любое событие (а ма любила сыпать цитатами, так что детство мое можно смело назвать специфичным).

И па за руку привел меня учиться боксировать. В здоровом теле – здоровый вес... то есть дух, так что четыре года я добросовестно отзанимался. Никаких успехов не достиг, чего уж там, зато изрядную часть жира потерял, вместо этого набрал массы мышечной. На весах это были все те же сто двадцать (при метре девяноста роста), что вгоняло в тоску ма.

Как обращались ко мне сверстники: «Андрей – похудей, Андрей – будь храбреей», – так и продолжали, да и в других определениях не стеснялись. Меня воспитали решать конфликты словом, миром, в крайнем случае игнорированием, потому постановка удара не повлияла на мои отношения с одноклассниками. Они считали меня тюфяком и зубрилой, я их – назойливыми мухами.

Что до лица – от родителей мне достался вполне себе «фэйс».

– За что шницелю такие глазищи с ресничницами? – помнится, незадолго до выпуска стенала, тыча в меня пальцем, Лена из параллельного. – Тушь-удлинитель, три слоя – а у этого длинше. И сам-то русый, откуда вот ему это?

Я тогда молчал, представляя, как на «длинше» поджали бы губы ма и па, синхронно. Наследственность у меня хорошая, оба родителя выделялись породистой, правильной красотой. Как ма хороша на снимках в молодости – любая модель обзавидуется, куда там мослатой Ленке. И густые темные ресницы, и глаза янтарные мне достались от ма. Линия бровей – та от па, высокий лоб и подбородок с ямочкой – от него же. Фамильное сходство исключает подмену в роддоме, а в кого я удался телосложением – загадка. И да, мое к родителям обращение – не от манерности, а настойчивая просьба самих предков. Мне не сложно, им приятно.

Как-то до переезда мне попала на глаза шкатулка, в ней ма хранила письма – многое мир потерял с уходом от чернильной переписки к цифровой! – от родителя. «А в глазах цвета осени искры юного пламени», – начиналось письмо. Я не стал читать дальше, это как подглядывать в окошко времени.

Так, думаю, представление тогдашнего Андрея Бельского можно считать состоявшимся. Можно, правда, повспоминать, как год работы в казино отразился на моем характере, но после бокса я новых ругательств не услышал, к оскорблениям со стороны игроков (о, они это любят!) меня подготовила школа, а что до прочего: главным для меня изменением стало появление друзей. Но про них я еще напишу, и не раз, а в то утро, завертевшее мою жизнь вечной огненной круговертью, я возвращался домой в одиночестве. Взял дополнительную ночь, а с другой ночной сменой вне рабочее общение у меня было не глубже: «Привет всем! Пока всем».

Был июнь. Совсем раннее утро – шести еще не было – ночь с четверга на пятницу прошла «порожняком», меня и половину смены отправили по домам пораньше. Я топал пешочком по холодку. Маршрутки еще не ходили, а ловить частников, когда никуда не торопишься – ну их, лучше ноги размять. А что меня дернуло срезать дорогу, пройдя дворами да гаражами – этого я и за двадцать лет понять не смог. Я не хожу этим маршрутом, да что говорить, когда я с тротуара свернул, даже не был уверен, что пройду там насквозь.

Запах гари я почувствовал на подходе к гаражам (охраняемым, кстати, но где была тем утром охрана – тоже вопрос без ответа). И рванул бегом от него, к заправке. «Бензинчика прикупить, чтоб веселее горело», – хотелось бы пошутить, но причина была прозаичнее: к тому времени я не приобщился еще к прелестям мобильной связи, а на заправке находился ближайший доступный телефон. Набрать 101 я побежал.

Только вот не сложилось.

– По-кх-мо-кх-гите! – перемежая слоги кашлем, голосом перепуганного ребенка позвал меня пожар.

Я не герой. Никогда не мечтал примерить трико Супермена или плащ Бэтмена. От координат, в которых найдется место подвигу, я предпочел бы держаться подальше. Потому как я у себя один, и у ма один. Добежать до заправки и тешить потом себя мыслью, что сделал хорошее дело – это на одном полюсе. Вышибать ногой ворота, из-за которых тянется дымище – на другом, том, что с полоумием рядышком. Особенно если ворота открываются наружу, а ручки сорваны. Поддевать раскаленную створку первым, что попало под руку – из той же местности.

Меня осыпало искрами, обдало жаром и дымом, едва створка поддавалась. Внутри были обрушенные стеллажи, разнообразный хлам на полу и багрово-рыжие языки пламени по дальней стене.

Мальчишка, позвавший на помощь, лежал почти у выхода, но сразу я его не заметил. Пацана прилично засыпало какими-то обломками. Какими именно, разбираться был момент неподходящий, так что я просто начал откапывать его, так быстро, как мог.

– Ты встать сможешь? – успел спросить я прежде, чем с лязгом захлопнулась створка ворот.

Я ринулся к выходу, налег плечом на металл, но не тут-то было.

«Ма не переживет», – отстраненно и как-то даже равнодушно подумалось мне. «Ладно я, дурак, но пацану-то еще жить и жить...»

– ЖИВИ, СЛЕД! – проревело из резко раздувшегося пламени у дальней стены.

«Тише, незачем так орать», – не удивился я новому действующему лицу, точнее – голосу. Раньше я его не приметил, а на тот миг сколько бы нас в гараже ни было, всех спалит.

Отключаясь от дыма и жара, я успел увидеть, как в несущемся ко мне огненном безумии сверкает яркая молния.

«Звэр чтоб лютый похмэлуг нэ встрэчался тэбэ, друг», – первым, что я вспомнил, придя в себя, был излюбленный тост Иванидзе.

По паспорту мой коллега – Иванов Рустам, дитя любви русского папы и мамы из солнечной Грузии. Язык он коверкает только по особому поводу, нарочито.

«Похмелуга – она рыба. Как белуга», – всякий раз поправлял Иванидзе Окунев.

С Окуневым по вопросу рыб не спорят, поскольку он сам – Рыба.

«Что я с чем опять смешал, что меня настолько люто кроет?» – облизывая пересохшие губы, вяло соображал я. Перед глазами плыли красивые ало-оранжевые дымчатые круги.

Попытался подняться.

– Семен Ильич, тут этот очнулся! – взорвал «акустическую бомбу» в моей голове незнакомый голос.

К кругам (вроде как тающим) добавились острые позывы к избавлению от столовского ужина.

– Я вскоре подойду, – чинно отозвался другой голос, постарше и глуше. – Сережа, побеседуй пока сам с молодым человеком.

– Есть побеседовать! – дурнота потихоньку отступала, и я смог сфокусировать взгляд: на фоне закопченного гаражного ряда, зияющего черным нутром отсутствующих ворот, улыбался мне парнишка едва ли сильно старше меня с округлым лицом и ультракороткой стрижкой. Чуть ниже улыбки маячило раскрытое удостоверение.

– Милиция Санкт-Петербурга, младший лейтенант Крылов, – зрение ко мне вернулось, подтверждая, что в удостоверении написано то же самое. – Поручено побеседовать по инциденту.

Мой взгляд упал на лежащие на асфальте ворота, черные, как и внутренности гаража. Я вспомнил: запах, крик, засыпанного хламом пацана... Мчащееся на меня пламя. И молнию.

– Попить не найдется? – во рту будто наделал нехороших дел «звэр лютый».

– Найдется, – по-доброму кивнул милиционер. – Вы бы резко не вставали, вдруг сотрясение.

«Было бы что сотрясать», – невесело подумал я, вставая с асфальта. Перспективы у моего случайного геройства вырисовывались аховые: скорой помощи не видать, пожарной машины (вот уж что сложно не заметить) в месте очевидного, хоть и погасшего, пожара тоже нет, зато родная милиция тут как тут.

– Хм, а куда огонь делся, если не пожарные его сбили? – от неожиданного вида вполне целых, не обгорелых, разве что в саже изгвазданных, ветровки с футболкой (на джинсах и вовсе только колени спереди были грязные) я эту мысль высказал вслух.

– Вода, – произнес служивый.

Я пригляделся в поисках луж, но это мне водичку в бутылке принесли, оказывается. С пузырьками, вкусенькую.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я. – Сергей, там внутри пацан был и вроде еще кто-то. Могу я спросить...

– Мальчика увезли в больницу, а «еще кто-то» там внутри, его подполковник...

Служивый не договорил: из проема вынырнул невысокий мужчина в штатском, с седыми усами и шевелюрой. И с цепкими голубыми глазами.

– Как так получается, Сережа, что на вопросы отвечаешь здесь ты? – вроде как мягко спросил мужчина, после чего представился. – Подполковник Рыков, Семен Ильич.

Взгляд его вцепился в меня. Ощущение было такое, словно в мужика встроен рентгеновский аппарат, и меня только что отсняли, сложили снимки в папку, осталось эту папку подписать.

– Бельский Андрей Дмитриевич, случайный прохожий, – не стал я затягивать с процедурой «подписывания».

И с остальным пересказом событий не затянул, как добросовестный гражданин, которому нечего скрывать от органов правопорядка. Разве что про молнию умолчал.

– Андрей, как насчет пройтись? – спросил подполковник; уловив что-то в моем выражении лица, уточнил: – До ближайшего дворика. Вам сейчас долго стоять не желательно, а мне хотелось бы чуть подробнее вас расспросить. Сережа, прихвати нам еще водички. И набери... ты знаешь.

Мы дошли до скамейки во дворе пятиэтажки.

– Будьте добры, повторите, что прокричал неизвестный? – я и подполковник сели на скамью, а младший лейтенант с «трубой» – массивным мобильным телефоном, которым, судя по виду, вполне можно было избивать хулиганов – замер чуть в стороне.

Я повторил. Семен Ильич наклонился, поднял с земли отломленную ветку, вывел на вытоптанном участке перед скамейкой: СЛБДБ. Именно через «ять».

– Как думаете, мог неизвестный сказать так? – по голосу казалось, что спрашивает он не у меня, а у неких незримых персонажей.

Я неопределенно пожал плечами.

– Наследник, значит, – пожевал губами подполковник.

– И что нам это дает? – вклинился молодой служивый. – Мальчишка весь поломанный, места живого нет.

– Сережа, Сережа, – покачал головой старший. – Ты набрал? Подай мне аппарат.

Младший лейтенант насупился, но указание выполнил.

Я ощущал себя лишним в происходящем. Увы, моего мнения никто не спрашивал.

– Да. Да. Нет. Все верно. Холодное. Нет, – коротко проговаривал подполковник, прижав к уху мобильный. – Спрошу. Андрей, когда вы в сознание вернулись, чем пахло?

«Проблемами на пятую точку», – так и подмывало ответить.

– Костром, – не задумываясь, выпалил вслух я. – Летом. И немного чем-то горьким.

– Ну ты даешь! – перескочил с формально-вежливого «вы» Сергей. – Там же до костей и во...

– Сережа! – очень тихо сказал подполковник, и младший его коллега мигом захлопнул рот. – Кто? Действительно? Андрей, до потери сознания видели ли вы – или, может, слышали, чувствовали? – что-то необъяснимое, небывалое?

Я «вспомнил» про молнию в мчащемся на меня пламени.

Семен Ильич перекинулся еще несколькими фразами с собеседником, поохал по-стариковски. Хотелось встать и заявить: «Не верю!» – настолько не соответствовали охи выправке подполковника, и ощущению исходящей от него силы.

– Поздравляют нас. И вас особенно, – доверительно сообщил страж порядка, закончив разговор по мобильнику. – Нас меньше, поскольку долго вы на берегах Невы не задержитесь.

– Это еще почему? – возмутился я.

– Сейчас вы мне, возможно, не поверите, но постарайтесь. Это в ваших же интересах: побыстрее поверить в изменения. Погибший в гараже в последние мгновения пытался передать наследнику силу. Не физическую силу. Да только принял переданное не законный преемник, сила досталась вам. Может, сказало состояние мальчика: у него сломаны все четыре конечности и перебит позвоночник. Как был приведен в недееспособное состояние погибший, нам еще предстоит выяснить. Так вот, сила попала к здоровому вам, а не к искалеченному ребенку. Сила обрела хозяина, но хозяин очутился в шаге от гибели. Произошло...

– Крещение огнем, – обронил я, не отводя взгляда от клумбы, разбитой на придомовой территории.

На ней цвели красным цветом то ли георгины, то ли хризантемы, не разбираюсь я в этих растительных делах. Сагу Сапковского мне подкинул Макс, хотя никто бы не заподозрил в неисправимом матершиннике любителя фэнтези, особенно, глядя на неизменную косуху и зная, что Находько периодически (когда жена не в городе) гоняет на байке. «Крещение огнем. Башня ласточки» – два романа в одном томе, как сейчас помнится...

– Не убоялись мальчика покалечить, – себе под нос проговорил младший лейтенант. – Поперек по...

Дослушать тихое «сам с собой веду беседу» не удалось, старший не дал.

– Вы адекватно реагируете, Андрей, – похвалил меня Семен Ильич. – А еще мое поколение ропщет о нынешней молодежи. Так вот, в момент смертельной опасности сила как бы сплавилась с новым носителем, приняв за него – за вас – выбор. Возможно, сыграло роль солнцестояние, Купала опять же... Но тут я, признаюсь, в вопросе плаваю. Коллега из первопрестольной утверждает, что нынешним утром появился редкий носитель силы – огневик.

– Я? – тукнул себя пальцем в грудь.

Не стоит думать, что я вот так, с ходу во все говоримое подполковником поверил. Часть меня была убеждена, что я сплю и вижу странный сон, а во сне лучше соглашаться с собеседниками.

– Вы, Андрей. Знаниям коллеги я доверяю полностью, и вам советую.

– И почему я не задержусь на берегах Невы? – уточнил я зацепивший меня момент. – Я коренной петербуржец не в первом поколении. Бабушка блокаду пережила.

– Нева, – развел руками мой собеседник. – Каналы, притоки, болота, залив. Вода, Андрей! Что естественный противник огня? Вам станет неуютно в родном городе. Очень неуютно.

– Потерплю.

Упертость – одно из моих качеств, и не худшее.

– Попробуйте, – покивал Семен Ильич. – Просьба отдельная: когда будете постигать произошедшие с вами изменения, постарайтесь... поаккуратнее. Пожары в городе нам не нужны. Что ж, ваши контакты Сережа записал. Кстати, настоятельно советую приобрести подобное устройство, в наше суетное время не знаешь, когда понадобится срочная связь. И не стесняйтесь в случае нужды звонить Сергею: есть в нем, конечно, лихая безбашенность юности, без опоры на знания опасная, шаткая. Но я убежден, если не сгинет он по глупости, станет лучшим оперативником города. Страны – навряд ли, а про город нет сомнений.

Сергей без подсказки со стороны начальства протянул мне визитку.

– Обязательно, – серьезно пообещал я в ответ на все замечания сразу: мне как раз выпала возможность убедиться в необходимости экстренной связи, часа не прошло, а уж побеспокоить служивого, случись что, я не постесняюсь. – Молодость – недостаток, который быстро проходит.

Так частенько говорит ма, цитируя Гете.

– Это славно, – невесело улыбнулся старший из пары милиционеров. – Потому как нами не установлена цель сегодняшнего инцидента. Одно дело, если смерть, другое – если целью была сила погибшего.

– Благодарю за предупреждение, – вежливость в моих словах была наигранной.

Я понял, что меня смутило в удостоверении младшего лейтенанта Крылова. Сразу бы сообразил, но головушка после всех испытаний работала так себе. Сергей Крылов был приписан к Невскому району, тогда как мы мирно беседовали – в Калининском.

Пока шел домой, в голове слегка прояснилось. Я крутил и так, и эдак беседу с дядькой в штатском, и выводы мне ничуть не нравились. Положим, он не врал и мне не снился. Не врал, но и не договаривал, чего стоят одергивания этого Сережи, моего примерно (пару-тройку лет плюс, минус вряд ли) ровесника? Слов было сказано много, все, ручаюсь, прошли бы проверку на полиграфе, как наичестнейшие. А по факту?

По факту случилось убийство, преднамеренное некуда. И без моего вмешательства быть бы ему двойным: малец со сломанным позвоночником даже уползти бы не сумел. И никто меня из списка подозреваемых не вычеркивал, несмотря на благостно звучащие слова.

Если допустить, что с молнией я всамделишно получил некий паранормальный довесок, выходит, что выгодополучатель в данном деле – скромный студент и работник игорного бизнеса. И будет за скромным студентом пригляд ненавязчивый...

«Бесстыжий глаз и дым неймет», – вспомнилась мне фразочка из арсенала па.

– И пусть, – я сощурился, догадываясь и о второй цели присмотра за собой замечательным: если довесок намеревался поймать кто-то другой, назовем этого другого – Злыдень, то чем я не фигура на роль живца?

Вполне себе. Молодой, наивный (только распоследний олух в крайней стадии наивности, проходя мимо, полез бы доброй волей и без подготовки в огонь), чужой – своих-то всегда жальче. Готовый агнец на заклятие.

Что из этого следовало? Что шевелить ногами надо поскорее, домой идти да спать ложиться, выходной-то один. Потому как никакая пиромантия, никакая потусторонняя сила – не повод тупить в субботнюю ночь, это вам любой пит-босс скажет.

Ночь с субботы на воскресенье в казино – это почти как день открытых дверей в аду, помноженный на зомби-апокалипсис. Народу, что в метро в час пик, дымина – глаза слезятся. У нас потолки в здании высоченные, метров пять, если не больше, система очистки воздуха, но в такие дни и ночи дымят сильнее, чем успевают разойтись. Гул, крики, мат, шумы всех разновидностей. Если открыт ВИП-зал, то и паранормальщина «местного разлива» в ходу, с летающими тарелками, бокалами... Хотя чаще – фишками и пепельницами. В общем-то зале за такое охрана скрутить может, а внизу куда крупье в глаз не зарядили, никто даже не дернется. Включая дилеров, в которых эти все «чудеса» и летят.

Движения дневной смены, которую мы сменяем, как у сломанных роботов, в глазах отражаются глубины космоса – и не единого отблеска мысли. По смятым пиджакам на спинках и несвежим сорочками легко читается, что добрая половина присутствующих игроков как в пятницу «залипла», так и до сих пор «шпилит». В лучшем случае, перекусили днем в баре и дальше, больше: спускать и отбивать кэш.

Пит-босс Алиса, забежав в штафф, чтобы дать направление единственному отдыхающему из всей дневной смены, смотрит на вяло переодевающихся нас, как на иконы.

– Кто может выйти в зал через пять минут, впишу час овертайма! – с мольбой в голосе обращается она, скользя взглядом по равнодушным лицам.

Дураков нет: нам целую ночь предстоит впахивать в оставляемом ими апокалипсисе. И – перчинкой к чебуреку – в штаффруме наблюдаются три юных пингвина: черный низ, белый верх, бабочка, без жилетки – их шьют персонально, и стажерам первого дня заранее не выдают.

– ... же вас в корму! – высказывается за всех Макс, от чего у пингвина-девочки (из троицы свежего мяса двое парней, одна девица) краснеют уши. – О, привет, АБ! Красноглазишь, как Джо? Где эта задница?

АБ – так меня называют приятели. Для прочих коллег по рулеточно-карточному труду я либо Бельский, либо Шифоньер Жирнье, последнее удобно для проверки дефекта фикции к концу смены, с охрипшим от криков горлом. Это милая девочка Алия так меня назвала на тренингах, народ посмеялся, прозвище прилипло. У нас с этим вообще быстро.

– М-м, свежатинка, – протянула влетевшая в штаффрум Майя. – К утру будет тухлятинка. Каждый бодрится перед адовой ночью, как может.

– Что, малыши, все немножко не так, как вам говорили в школе крупье? – с деланным сочувствием спросил Окунев.

Ему больше прочих подходит его прозвище – Рыба. Глаза на выкате, высокие залысины, маленький рот с узкими губами и полное равнодушие к окружающим в смеси с сарказмом.

Вообще, как правило, с прозвищами в нашем узком кругу попадают если не в десятку, то около. Находько, который Макс и любит выразиться нецензурно – как есть Шпала. Два метра худобы, даже лицо узкое, вытянутое. Еще он рус, сероглаз и одевается (в миру, на работе форма) как неформал, много кожи и металла. Женька Митин, наш с Находько приятель, зовется Джо Красный Глаз за вечный недосып, вызванный амурными похождениями. При наличии постоянной, верной и замечательной то ли невесты, то ли уже жены (за выслугу лет). Джо невысок, смазлив и нагл – и простоя без барышень у него почти не случается. Вот и в этот раз он приперся с явными признаками недосыпа, зато с довольным блеском красно-карих глаз на бледном лице. Карий – цвет радужки, красное – вокруг радужки. Перед сменой он привычно закапает глаза визином из дежурного флакона, и будет каждый брейк хлестать кофе без сахара.

Смена началась с низвержения во тьму: дилером на рулетку в ВИП, который на первом этаже, а штаффрум – на втором, соединены они между собой очень узкой винтовой лесенкой (во хмелю по ней ходить нежелательно). У лесенки есть бонус: если при подъеме в штафф пропустить девочку-дилера вперед, всю дорогу можно наслаждаться интересным видом.

Пока шла передача смены, я осмотрелся: незнакомая компания на покере и старый клиент. Для последнего открыто два стола: рулетка и покер. Дядька не особо вредный, ставит крупно, предпочитает кэш-фишки, а не засыпать цветом «всю поляну». Порой на него находит, но как сливается цвет – снова возвращается к большому номиналу и одиночным фишкам. Если не тупить безбожно, сложностей не предвидится.

Мне еще и чипера поставили – пристроили стажера Пашу, чтобы, видимо, не сразу на амбразуру.

– Андрей, – это он с бейджика прочитал. – А как долго мы будем стажироваться?

Низенький вихрастый очкарик высоко задрал подбородок, пытаясь посмотреть мне прямо в глаза.

– До утра доживи, – от души посоветовал я. – Нечем заняться? Режь стек.

Есть у меня персональная примета: если ночь пятницы или субботы началась легко, впереди ждет задница, как у Кононовой, а она у нее такая... всеобъемлющая.

– Как? – испуг в голосе пингвина не наигранный.

Клиент завис над картами, к нам бегать перестал.

– Стек: двадцать жетонов, тренируешь все нарезки выплат. По пять, – нарежаю двадцать фишек ближайшего – черного – цвета четырьмя стопками по пять, раскатываю последнюю стопку. – По четыре, по три. Четыре-четыре-один, Три-три-один.

Паша режет: два-два-один.

– Пять чипов не режутся. Пять раскатываешь, собираешь, выплачиваешь. Кто вас натаскивал-то?

Выяснилось, что тренингами в это лето занимался Ненад, еще один серб, что смахивал на злобного хоббита: мелкий, кудлатый и глазки бегающие. И вот от него добра вообще ждать не приходилось. Этот гад в менеджерской должности даже «за свой счет» на похороны матери девчонке из дневной не подписал как-то раз. Правда, девочка догадалась после Ненада подойти к Нине, и вопрос решили, но выводы все сделать успели.

Примета сработала: наверх я пошел прямиком на вторую рулетку общего зала, инспектором, где дилером поставили – барабанная дробь! – легко краснеющую девочку-стажера. На поле все цвета, разномастный кэш, засыпано так, что трясущиеся пальцы не успевают поправлять спорные ставки.

Первую выплату Оля считала несколько минут, ошибалась, пересчитывала, ошибалась снова. Делала просящие глазки (мультфильм «Шрек» выйдет только осенью, и летом я не мог сравнить зелень ее просящих глаз с глазками котика из мультика, зато постфактум – очень похоже, как с Оли рисовали) и шептала: «Помоги! Сколько?». В стоящем гвалте она могла это орать, что есть мочи, результат был бы тот же. Я умею читать по губам, и мне не сложно пожать плечами, отвечая: «Считай».

Игроки недовольны? Вон там ходит пит-босс, он назначил сюда эту лялечку, красивую – взгляд радуется – и тупую, что зубы сводит. Мое дело маленькое: следить за правильностью выплат и чистки поля. И пинать под столом чипера за грязные стеки (то в один цвет чип от другого цвета собрал, а то и вовсе кэш там очутился).

Все хорошее когда-нибудь заканчивается; Оленька выдала всем причитающиеся фишки, сняла с номера долли, запустила по новой шарик.

– Нет спина, – оповестил я стол, наблюдая за красивым полетом шарика в бокал с пивом. Позвал пит-босса: шарик однозначно заменять.

Оля взяла второй шарик.

«Хоть тут не растерялась», – мысленно похвалил я стажерку.

Рано обрадовался.

– Что делать?! – прокричала брюнеточка, ухитрившись перекричать толпу.

Разговоры над столом притихли, народ у нас любит бесплатные развлечения, а тут явно оно и вырисовывалось.

– Положи в номер девять, – назвал ей последнее выпавшее, от которого нужно делать следующий спин.

Оленька обрадованно кивнула. И положила шарик в номер девять – на стол, а не в сектор рулетки. Прямо в завалы фишек, подготовленные нетерпеливыми игроками к новому спину.

– Овца, – не удержал я за зубами определение для Оленьки.

– Радуйся, что Овца, а не Шалаева. Или Шалавова, – «утешала» под утро, когда толпа малость рассосалась, стажерку Шаеву Майя Бореева. – Оляля уже есть в дневной смене, а фамилии у нас тут любят склонять по-всячески.

Бореева знала, о чем говорит: ее как раз звали Обуреева – от «обуреть». Характер у нее был тот еще. Внешние же данные вполне на уровне. Кареглазая Майя высветляла волосы, чтобы эффектнее выглядеть, и не ела ничего, кроме йогуртов. Фигура у нее средненькая на мой вкус (я предпочитаю наличие выпуклостей их отсутствию), зато ножки – прелесть. Однако стоило

Майе открыть рот, и красота ног резко забывалась. Словом, лучшими моментами в обществе Майи были те, когда она поднималась из ВИП в стафф и молчала.

Эти вот обязательные прозвища были «фишкой» нашего тесного коллектива, в других казино, насколько я знаю со слов более опытных дилеров, ничего подобного нет. Может, текучка кадров быстрее, может, люди там без воображения.

После смены я, Джо и Макс как обычно пошли пешком до Финляндского: это общее направление нас и сдружило. Макс жил на «Финбане». Он шел с нами до остановки маршрутки. Дальше мы катились, а он уже завтракал. Я выходил у Сезона, а Джо ехал до Пискаревки. Прокладывали по-разному маршрут, заглядывая в кафе по пути (или не сильно от него отклоняясь), общались. Иногда останавливались на набережной неподалеку от Инженерного замка. Макс курил (из нас троих легкие куревом портил только Находько), а мы с Джо кидали монетки в постамент Чижики-Пыжика. «На фарт» называлось это действие.

Днем у этой крохотной статуи не протолкнуться от туристов, а утром – тишь да благодать, ни одного таджика не видать...

Монетка, другая, третья – все мимо. Женек свою долю удачи урвал с первого броска.

Я занес руку с четвертой по счету монетой, но она так и осталась зажатой между пальцами: из реки Фонтанки высунулась бледно-синюшная рука. Высунулась, чтобы пригрозить мне кулаком.

– Что, упыреньш, выбрался из склепа? Духом свободы никак не надышишься?

– Что? Кто там что протявквал? Тявкой громче, пусть ветер носит!

Это за моей спиной привычно обмениваются подначками Шпала с Джо. Это у них хроническое, ночь прошла впустую, если два моих приятеля друг дружке слово «доброе» не скажут. Причем делают они это к обоюдному удовольствию, похмыкивая над особо удачными подколками.

Пока я вертел головой, рука из Фонтанки никуда не делась, что даже для горячего бреда слишком.

Меня, конечно, воспитывали в духе мира и взаимоуважения, но всему границы есть. И анемичными кулачками мне грозить всякая муть синюшная без ответа не будет. К тому же, мне своевременно вспомнились слова служивого о том, что в Питере мне задержаться не удастся, а я вызовы принимал всегда. Как от Родиона Громова, из секции прямой дорогой отправившегося в юношескую сборную. Да, отделал меня тогда Родька знатно, но и я один раз сумел его достать левым боковым.

Я таскаю с собой в заднем кармане зажигалку, хотя и не курю. Это со времен походов с классом вошло в привычку: огонь должен быть доступен всегда, в любой глуши, в любую непогоду. Так что, в качестве ответа на торчащий из воды вызов, я убрал монетку в карман, вместо нее вытащил зажигалку. Перегнулся через парапет и тихо-тихо пообещал:

– Завтра возьму с собой канистру бензина и вылью в воду. А затем малую искорку высеку, – и чиркнул зажигалкой, прикрыв ее корпус ладонью.

«Если тот дядька прав, и я получил некую связь с огнем (допустим!), то...», – не успел я додумать эту сумбурную мысль, как кулак, потрясшись напоследок как-то особенно яростно, ушел под воду. – «Вот и славно».

До Литейного моста мы дошли в обычном режиме. А на мосту меня накрыло: ноги налились свинцовой тяжестью, грудь сдавило, голову словно в тиски взяли. И еще потянуло к ограде, где в руках двух чугунных русалок на щите перекрещиваются скипетр, морской и речной якоря. И за перильное ограждение потянуло... От одной из русалок мне послышался гнусный смешок, похожий на тот, что издает Обуреева, когда особо довольна сказанной гадостью.

Смех-то меня и спас, разозлив: злость сбила наваждение. Сигать за перила перестало хотеться. Что же до прочего – это можно было перетерпеть. Погрозив чугунной заразе кулаком, я продолжил печатать шаг по мосту. Рассудок прояснился.

– АБ, тебе б покемарить, – чуть позже, прощаясь со мной и Женькой перед маршруткой, посоветовал Находько. – Совсем квелый на вид, баньши румянее.

Именно Макс «подсадил» меня на фэнтези с фантастикой, дома-то преобладали другие книги. Справочники, словари, сборники. Почитать чего-нибудь художественного? Пожалуй-ста, классика. От Гомера до Чернышевского, выбирай по вкусу.

Не доходя до вокзала, мы порой заскакивали в книжный. Там Шпала становился моим советчиком в плане того, что стоит купить, а что – бредятина, на которую потраченной бумаги жалко. В прошлый заход я с подсказки Находько забрал домой прекрасный «Заповедник гоблинов» Клиффорда Саймака.

В книжном мы бывали не в те дни, конечно, когда пили после смены...

– Я в норме, – заверил я друга.

Поскольку от Невы мы немного, да удалились, сказанное соответствовало действительности. Что занятно, когда я ехал на смену, ощущений таких и близко не было. Придавило чуток к сиденью маршрутки где-то в центре моста, да и только.

До дома добрался нормально: пока ехали, Джо подбивал устроить назавтра грандиозную пьянку по завершению смены, если зарплату с утра выдадут (она у нас в двадцатых числах выдается), я вяло отбивался, думая о том, что «зэпэ» – отличный повод обзавестись мобильным телефоном. Если взять такой же «кирпич», как у того Сережи, чугунную голову русалки им не расшибешь, а какую-нибудь мелкую нечисть можно и огреть.

И только когда я уже засыпал, слышались мне сквозь сон охи-вздохи и радостное, еле слышное бормотание: «Вот свезло, так свезло! Радость-то какая! Теперь не страшно, что Пантюхин с пятого окурки о ковролин по пьяному делу тушить опять начнет, чтоб его волосатик взял! Счастьюшко, ох счастьюшко!»

Мало ли, что во сне услышать можно.

Воскресная смена обещала быть не особо напряжной (относительно предыдущей): и в зале посвободнее, и дым не стоял коромыслом. Еще и лучший (по моему скромному) состав пит-боссов работал, Димка и Жан. Я уже говорил, что в казино подобрался тот еще интернационал? Если нет, говорю: были сербы-менеджеры, англичане-менеджеры (в том числе генеральный), наполовину поляк, наполовину француз (и где-то кто-то русский пробежался) Жан в пит-боссах, а среди дилеров кого только ни было, и казашка, и финка, и наполовину грузин, и белорус, и два украинца, и чешка, и грек, и даже мулатка Аннет в дневной смене. Разнообразие и толерантность.

– Здравствуйте, Жан Флорианович Сковрон! – звонким голосом поприветствовала начальство Алия (как раз казашка) Ах-ах Ахметова.

Ах-ах – это было неперемное прозвище. Очень уж умильно эта девушка с коротким темными волосами, лукавым прищуром и открытым смешливым характером ахала над всякой ерундой.

А обращение к Жану – это как раз был «нестандарт». К пит-боссам практикуется обращение по имени. Но Алие нравится звучание этого конкретного ФИО, где фамилия – чистая издевка. «Сковронек» с польского жаворонок, тогда как Жан яркий представитель сов. Кроме того, у нас с ним схожие параметры: мы одного роста, Жан тоже плотный, но поменьше меня.

Дима тоже высокий, тощий только. Нас: меня, Макса, Жана и Димку порой кличут четырьмя столпами ночной смены. Или столбами – фонарными, кто на что горазд.

Напрягся я после того, как стрелки циферблата в штаффе прошли восьмичасовую отметку, и все, кроме двоих, получили распределение. Нет, это норма, когда нет полной

загрузки, что кто-то выходит попозже. Меня смутило другое: этими двумя оказались я и давешняя стажерка, Оленька.

И еще напрягло, как Майя пропела перед выходом в зал, здорово пародируя Свиридову:

– Ах ты, бедная овечка-а-а!¹...

В каждой смене есть один прикормленный начальством персонаж, постукивающий куда нужно... А то и больше одного. И порой я подозревал Обурееву в принадлежности к любителям стука.

– А тебе, Андрюх, особое задание от партии, – Дима сочувствующе покачал головой. – Наиважнейшее и наисложнейшее.

– Я аполитичен, – попытался отбиться я, понимая, впрочем, что без толку.

– Надо, Бельский. Я в тебя верю: ты сумеешь сделать из этой красавицы, спортсменки и комсомолки, – пит-босс показал на порозовевшую щеками Оленьку. – Дилера.

«Овечка бедная?! Бедный Шифоньер! Он опустошен и ему нечем крыть!» – видимо, эти мысли нашли яркое отражение на моем лице, раз Димка решил меня подбодрить.

– Получится – напишу рекомендацию повысить тебе категорию досрочно и без аттестации, – знал, хитрован, чем вовлечь меня в эту авантюру.

Кроме стажеров, есть шесть категорий: Д-3, Д-2, Д-1, Д-И-3, Д-И-2, Д-И-1, где Д – дилер, Д-И – дилер-инспектор. Проще говоря, Д-3 – это самое дно, Д-И-1 – потолок (дальше уже пит-боссы). У меня была категория Д-И-3, и скачок на одну ступень мне бы не помешал. Выше категория – выше оплата отработанных часов. Выше коэффициент при распределении чаевых (у нас они идут в общий котел и делятся по итогам месяца на всех), выше премия. Если совсем упростить: сделав из овцы... нет, не человека – дилера, я начну получать больше шуршащих бумажек, а они никогда не бывают лишними.

– Где? Когда? Как сильно могу жестить? – принял я и этот вызов.

Последний вопрос – не блажь. Нет в казино места нежным фиалкам, нежизнеспособны в наших условиях чувствительные хрупкие натуры. Они либо закаляются, либо в один прекрасный вечер не появляются на смене.

– ВИП пустой пока – там, – с облегчением выдохнул Дима; похоже, про задание партии он не шутил, кто-то за Оленьку слово замолвил из старшего руководства. – Спускайтесь, Жан откроет вам флот, и хоть до упора ее гоняй. Если придут шпилить – звякни, решим по перемещению. И, Андрюх, делай что угодно, как угодно. Без рукоприкладства и детей, в остальном – она вся твоя.

Кровушка от розовых щечек отлила, стажерка вжалась в спинку дивана.

Я не стал ей говорить, что прессинг уже начался, и лучше это сделаем мы, чем клиенты.

– Ступай, чего расселась, – «приободрил» я Овцу. Заметил, во что она обута. – Еще и на шпильках. Надеюсь, ноги запасные у тебя есть, так как эти к утру отвалятся.

Если в прошлую смену после «номера девять» ее откровенно убирали с глаз долой, и даже при полной нагрузке зала у Оли были брейки, то от меня ей таких роскошеств ждать не стоило.

Димка придержал меня за плечо, пока стажерка спускалась по винтовой лестнице.

– Постарайся все же полегче с этой... – вполголоса сказал он. – За нее впрягся лично Ненад.

Тут я слегка уронил челюсть: чтобы злобный хоббит за кого-то хлопотал? Жаль в лесу поголовье медведей...

Оля улыбалась. Заученно, вымученно и неправдоподобно.

– Так, – вздохнул я. – Положи колоду на стол. Расслабь лицо.

¹ Строка из песни Алены Свиридовой «Бедная овечка», альбом «Ночью все иначе», 1997 г.

– А? – взлетели вверх брови стажерки; приклеенная улыбка не стиралась.

Я хлопнул по столу кулаком, не очень-то и сильно. Овца дернулась. Вытащил пепельницу (они большие, металлические, внушительные), замахнулся ею в сторону девушки. Та отпрыгнула. Я добавил сложную фразу, начисто лишённую цензурных слов, не считая предлогов и союзов. Глаза у моей жертвы стали практически квадратными; я всегда думал, что это художественное преувеличение, и человеческая физиология не позволяет подобного. Ошибался.

– Когда клиент проигрывает, – спокойно сказал ей, убирая на место пепельницу. – Он чаще всего зол. И все, что я сейчас показал – вполне жизненно. А если ты еще и ошибешься, твоя улыбка в лучшем случае вызовет у него вопрос: «Ты дура?» В худшем же взбесит еще сильнее. Поэтому вот тебе домашнее задание: учишься перед зеркалом делать пустое от эмоций лицо. Покерфэйс. Ок? Освоишься, начнешь немного разбираться в игроках и ситуациях – тогда улыбайся, сколько влезет. И выдохни уже, я не собираюсь тебя бить.

Кажется, именно к этому она и готовилась.

Я перегнулся через стол, набрал себе из флота фишек разного номинала, попутно уточнив, что никто с той стороны стола лапы во флот запускать не имеет права.

– Пока ты за столом – ты его хозяйка, а по ту сторону твои замечательные гости. Им стоит радоваться, они тебе приносят подарки, но это не значит, что их следует допускать до самого сокровенного: места, где деньги лежат. Иногда гости ведут себя плохо, не разуваются при входе, гадят на ковер, но ты хозяйка радушная, и не выгонишь их взащей, пока у них при себе что-то есть. Учишься вживаться в роль. Хотя странно, конечно, что тебе это я говорю, а не ваш тренер.

– Нам говорили улыбаться, – с видом оскорбленной невинности ответила Оля. – И помаду обязательно. И ногти красить.

– А, ну да, самое главное до вас донесли, – рассмеялся я. – Архиважное!

А мой пассаж о сокровенном она явно не так поняла, наивная: кому вообще тут есть до нее дело, когда за сутки в этих стенах вливаются или отгружаются сотни тысяч? Разве что Ненаду в свете поступившей информации, да и то не факт, что блажь сиюминутная не пройдет быстрее, чем возникла.

Мы начали с покера: это простейший для работы стол. Гонять Овцу пришлось по всему, она вставала в ступор от малейшего действия «не по шаблону», вроде: никто не хочет срезать колоду, что делать? К концу третьего часа в действиях Оленьки начал проглядывать автоматизм, да и в подсчете выплат прогресс наметился.

– Сворачиваемся, – великодушно махнул я рукой, когда Жан спустился проведать нас со стажеркой. – Совет: держи крепче колоду. В нее срезку так могут загнать, что карты по столу полетят. И нет, за это ничего никому не будет. Во всяких мутных клубах вообще по пальцам крупье могут «случайно» попасть. Спроси потом у Бартош, после чего она к нам перешла из предыдущего казино. Кстати, это мысль: отдохнешь, поешь, я попрошу тебя к ней инспектором поставить. Делать шафл, как она – этому стоит поучиться.

Не такое я и чудовище, даже покормиться отпустил бедную овечку... А то, что она к утру охрипла от нон-стоп раздач на блэкджеке – так это для ее же блага.

К концу смены Оленька меня, похоже, люто ненавидела, а я из плюсов (весьма и весьма сомнительных) приобрел знание, что носит она чулки, а не колготки, и какого цвета на ней белье. Лесенка, этот шедевр архитектурной мысли...

Помнится, в школе еще, нам биологичка рассказывала об удивительных вывертах памяти: мол, собираетесь вы на свидание с девушкой/парнем своей мечты, эмоций и гормонов – уйма, образ возлюбленного ярок до искр и сердечек в глазах; пройдет два-три-четыре десятка лет, и вы не сможете вспомнить, какого цвета была одежда на вас обоих, и куда вы ходили, зато

вспомните, как красиво цвел кактус на окне в кухне, мимо которого вы пробежали во время сборов. Мало кто ей поверил: мы были дети.

Прошли годы, многие действительно важные вещи начали затуманиваться в моей памяти, зато эти розовые кружева – как вчера видел.

Зарплату по утру не выдали: кто-то где-то профукал какую-то ведомость. Обещали к вечеру восстановить и те, кому срочно нужны финансы, могут подъехать вечером и получить причитающееся. Я в предыдущем месяце так заработался, что даже не успел особо потратиться, некогда было.

Но когда отсутствие «зэпэ» становилось поводом не выпить после второй смены? Ладно бы в дождь или в лютый мороз, а ясным летним утречком повод отказаться был только у Лизаветы: Мамочка одна воспитывала дите, и с работы спешила к нему. Так что сразу после приветствия дневных крупье мы дружной галдящей толпой вывалились из заведения, чтобы стремительно пронестись до Малой Садовой, забить небольшой зал магазинчика, вынести из него несколько пакетов со слабоалкогольными (утро с тяжелого не начинают) напитками в банках и бутылках и пакетиками с ерундой, вроде орешков и сухариков.

Примоститься на скамеечках, разобрать напитки, звякнуть за успешно пережитые выходные...

Димка с Жаном – демократичны, они легко встраиваются в нашу молодую компанию, и даже оплачивают первый круг, как бы извиняясь за задержку финансов, хотя косяк совершенно не их. По первости Жана в такие вот внерабочие моменты осаждали девчонки, «незаметно» строя ему глазки (как-то он их магнитит, Джо с его обаянием проигрывает Жану всухую). Чтобы «снять осаду», нашему пит-боссу с польско-французскими корнями пришлось показывать всем фото с молодой (и очень симпатичной) женой. Саму жену он продемонстрировать не мог: она тогда была на крайних сроках беременности, а сейчас нянчилась с маленьким Данилой Жановичем.

После первого круга неизбежно происходит второй, после чего следует традиционное закидывание монетками постаментов кота Елисея и кошки Василисы: дилеры народ довольно-таки суеверный, все, что «на фарт» делать можно – делается. Был как-то случай: беспощадно «отдающуюся» ночную смену с подачи генерального добровольно-принудительно облагодетельствовали тремя бутылками виски; выпил – за стол. К утру дилеры были пьяненькие, веселенькие, отбившие весь минус и сделавшие немалую прибыль.

После третьего круга всегда встает правомерный вопрос: куда дальше? Часть ребят «отваливается», их провожают до метро, попыхтев на дорожку у шара (фонтана, в прошлом году установленного). Оставшиеся выбирают дальнейшую культурную программу.

В этот раз сошлись на кино, в девять пятнадцать в разведанном уже месте начинаются утренние сеансы, как раз прогулочным шагом дойти. Правда, в угоду дамам смотреть пришлось «Бар «Гадкий Койот», что являлось расплатой за предыдущий заход на «Людей Икс». Как по мне, лучше подремать в темноте под диалоги и музыку, просыпаясь от самых громких девчачьих возгласов, чем пытаться не оглохнуть в караоке, как в конце мая.

Тогда только Миха, белорус из параллельной ночной, тоже берущий иногда дополнительные смены, улыбнулся перепевкой ДДТ.

*Что такое осень – это духи.
Водник под чернеющей Невойю.
Осень на погосте вся опять звенит костями,
Призрак, я опять лишен покоя.
Души развлекаются, сыпят пакостями,
Мертвяки встают, им нет покоя.*

Он так-то душевный парень, и перед сменой оставляет в шкафчике все свои перстни, браслеты и подвески с черепами.

После сеанса восторженные девчонки потащили нас выпить кофе, благо это можно было сделать прямо в кинотеатре.

– Таша, мне Андрей, – взгляд, не сулящий ничего доброго, достался мне от стажерки. – Сказал спросить у тебя, почему ты ушла из прошлого казино.

Наталья Бартош – единственная девушка в смене с категорией Д-И-1, постоять у нее инспектором я и отправлял ночью Олю. Ее лучше не звать Наташей или Натальей: уравновешенная Бартош к своему имени относится ревностно. «Не можешь выговорить правильно, зови – Таша, четыре буквы, элементарно. Даже имбецил способен усвоить». С маленькой, худенькой Ташей, когда она говорит таким тоном, спорить ни у кого желания не возникает.

– Каттинг-карту вогнал один персонаж в мизинец, кожа лопнула, – равнодушно ответила Таша, поправляя белокурые волосы.

Мой взгляд непроизвольно задержался на ее тонких пальцах.

Оленька испуганно ойкнула.

– Жуть какая! И что было потом?

– Вход ему на неделю закрыли. За порчу сукна, брызнуло сильно. Мне – три дня за свой счет на залечивание пальца. Не бойся, у нас так не беспределят, не тот контингент.

– А зачем ты в таком... – Оля выпучила глаза, подбирая слова. – Плохом месте работала?

– Близко к дому, – пожалала плечами Бартош, взглянула на часы. – Я поехала. Всем пока.

Вместе с Ташей как-то и все остальные засобирались: кофе победил хмель, напомнила о себе усталость двух не самых легких ночей.

Перед домом я забежал в магазин за продуктами, заодно занес рубашки в химчистку. Стирка и глажка – совсем не мое, а стоит услуга недорого. Уже за магазином, возле помоечных баков, пожалел худющего и длинного дымчато-серого кошака. Тот, похоже, собирался испустить дух. Я остановился, чтобы пошарить рукой по пакету.

– Колбасу будешь? – спросил еле дышащую скотинку. – Там, правда, от мяса только запах.

Готовка тоже не особо по мне, перебиваюсь в основном чем-то простейшим или уже готовым, что только разогреть перед отправкой в желудок.

– Иди мимо, как все, человек, – услышал я. – Всех нас изживете, раньше ли, позже ли...

Я дар речи потерял от неожиданности.

Длинное тело кота вдруг дернулось, животное (животное?!) повело носом, шевельнуло усами.

– Не человек. Владыка огневой? – в желтых кошачьих глазах блеснули искры. – Владыка, аже пояти... прысуч да ревностен...

– Кхм! – закашлялся я, ничегошеньки не понимая.

– Впусти в дом, то во власти твоей, отслужу, пригожусь! – котище поднялся с асфальта, прижал уши. – Глаголил забытбе... Не серчай. Будет тебе от меня польза.

Я присел на корточки. Кот сел напротив.

– Так. Сейчас без всяких «аже пояти» и прочей старославянщины, внятно и четко, современным языком, ты объясняешь, кто ты такой, – решительно сказал я, глядя в желтые глаза.

И понял, кого мне напомнил кошок: почтовую марку, коллекционную вроде, из набора, что я на почте видел. Там еще что-то было написано... Таджикистан, дикий кот... «Точно, манул!» – озарило меня. Форма ушек, размеры, все говорило о моей правоте. Правда, не было на марках упоминания, что манулы разговоры ведут, такое мне бы точно запомнилось, ввиду очевидной нелепости.

Очень худой манул, а не домашний кошарик, смотрел на меня изучающе довольно долго, но все же ответил.

– Что ты знаешь о замолотках, Владыка? – спросил у меня «кот ученый, дикий», после моего недоуменного пожатия плечами продолжил. – В именины овина возжигали прежде живой огонь. Бросали в огонь под овином необмолоченный сноп ржи, дозволения спрашивали у хозяина овина: можно ли им, человекам, каменку-то растопить? С того начинались замолотки. А позволял сие действие такой, как я: нас вы прежде звали овинниками, да батюшками заревыми. Только вот нет больше овинов, и гумен нет. И памяти о нас не осталось. А мы скитаемся, пристраиваемся, где можем. Последних лет полста совсем стало тяжело, прибываемся к складам с зерном хоть каким... Мой вот переделали, склянки да железки с закатками завезли, крупы-зерна убрали. Не стало мне житья: не промеж же полок и человекоев мне уютиться? Смирился с хладом, с тем, что ни почета мне, ни уважения, но с этими, без понятия, никак не сжитья.

– Оптимизация, – брякнул единственное, что мне в голову пришло. – У меня дома ни снопов, ни печи... духовая только. И плита газовая.

– Ты сам, что огонь, Владыка, – подернул усами мой собеседник. – Мне подле тебя теплее, чем в подлазе.

– И ты просишь, чтобы я тебя к себе пустил на ПМЖ? – меня слегка понесло от необычности ситуации. – А ты станешь мышей ловить и в лоточек ходить?

– Грызунов в хозяйстве моем никогда не водилось, – гордо вскинул голову манул. – Что за лоточек – не ведаю. Одно скажу: покуда в твоём доме буду, никто без позволения твоего да со злым умыслом порога не переступит, да в оконце не заглянет. Верь мне, Владыка.

– Мое оконце с балконом на седьмом этаже, – сказал я и поморщился: заразная это все же манера разговора! – Кроме птиц, заглядывать некому.

Тот покачал головой.

– Почем знать, кому в выси летать.

– М-да... Условимся: ты стараешься говорить без этих всех книжностей, при гостях ведешь себя, как кот – обычный, не говорящий, даваться на погладить и мурчать не обязательно, но и шокировать откровениями про заревого батюшку не смей. И прекращаешь звать меня Владыкой, эдак до темных властелинов недалеко катиться... У меня имя есть, Андрей. А тебя как звать, пушистый представитель славянского эпоса?

Мне пытались привить если не любовь, то почтение к корням, но не тянуло меня к истокам, не интересны были басни, сказания, обряды и прочая. Ма с па посчитали, что в жизни пригодятся многие знания, но, если не идет – запихивать насильно и не стоит. И вот, похоже, истоки решили потянуть меня к себе...

– Это... – ушастый смущенно почесал когтистой лапой затылок. – Запомню я за давностью. И ты бы именем не разбрасывался подобру-поздорову. Оно ж бывает: ты к кому с добром, тот к тебе с лихом.

– Будешь Кошар, – распрямился я, махнул рукой. – Ты сам или на ручках?

Нареченный Кошаром мохнатик вскочил на все четыре лапы, боясь, видимо, что я могу и передумать. Со мною дошел до дома, между ногами проскочил в парадную. Вообще, я считал, что парадные – это в историческом центре, а в нашей длинной девятиэтажке банальные подъезды, но так уж повелось, не мне переиначивать. Пошипел на мелкого, что вышел из лифта с родителями и решил протянуть руки к коту. За что был обозван блохастой тварью и обвинен в бешенстве. Мамаша продолжала что-то еще нам с Кошаром выговаривать, но двери лифта закрылись.

Так, вдвоем, мы и прошествовали до коридорной двери, затем и до входа в квартиру.

Тут стоит сказать, что смущению Кошара я не поверил. Больно правдоподобно он его (смущение) разыгрывал. Ничего он не запомнил, но и представляться не спешил. Не зря и

мне попенял. Много позже состоялся у нас с ним разговор, когда овинный хозяин признался, что побоялся он власть над именем – и над собою – в то утро мне передавать. Огонь огнем, а ничего хорошего он не ждал, ни от будущего, ни от меня. Погреться после долгих скитаний и холода он надеялся, и только.

Тогда, в ночном разговоре за чашкой чая, любуясь красивым лунным диском, Кошар назвал мне свое настоящее имя. Я принял его, сохранил, но не называл вслух ни разу. И вреда мне от овинника (почитал я позже про сложный, пакостный характер этих нечистиков) не было, слово данное Кошар крепко держал.

За дверью наши с Кошаром пути разошлись. Пока я переобувался, он подхватил передними лапами поставленный на пол пакет с продуктами и без видимых усилий понес его в сторону кухни (и когда успел сориентироваться?). Я же прямой наводкой направился в душ. А когда вышел из него с полотенцем в руке, обнаружил, что моя не особенно большая кухонка превратилась в поле боя.

Серый клубок шерсти оплетал кого-то босоногого, с длинными седыми патлами и бородой.

Я, не задумываясь, метнул в это безобразие полотенцем, которое вообще-то нес, чтобы пихнуть в стиралку, она у меня на кухне стоит, больше никуда не вписывалась. Это рубашки с брюками я таскаю в химчистку, а такую бытовую ерунду стираю (через лень и не хочу) дома.

– Это что еще за буча?! – прикрикнул на дерущихся.

Удивительно, но мокрый снаряд попал точно в цель, дебоширы раскатились по разным углам. Одного из них я знал – вот уже с полчаса, а второй... Это был махонький, сухонький... гном? Карлик? Гоблин?! (Это я произведение Клиффорда Саймака вспомнил не вовремя, на мистера О'Тула незнакомый драчун похож не был). Этот некто был мне меньше, чем по колено. Его Кошар, встав на задние лапы, становился выше. Седой, патлатый и бородатый, как я уже заметил, «гость» был морщинист, большерот и синеглаз. Если вспомнить Ленкино про меня: «Глазищи с ресничницами», – то у этого не знамо кого очи были размером с два блюдца (гномьих блюдца). Одет он был в серые штанишки с подтяжками и белую рубаху, а вот обувь отсутствовала.

– Я в праве! – упер руки в боки «гном».

– Я в праве! – царапнул когтями по плитке Кошар.

– Вы оба в праве хранить молчание! – рявкнул я. – И отвечать строго по делу. Вот ты – кто?

Не будь я уставший и злой, к седовласому пусть даже гному обратился бы на «вы». Это правильно, это вежливость, но у меня до сих пор глаз подергивался от обучения Овцы, да и вся свистопляска с огнем и молниями даром не прошла. Еще русалки те чугунные...

– Я Мал, – насупил брови «гном».

– Полуостров? – устало спросил я, подбирая с пола полотенце, так как сказанное вообще мне ничего не прояснило.

– Мал Тихомирыч я! – обиженно вскинулся бородач.

– Домовик, – подсказал Кошар, все еще собранный и готовый сражаться. – Мал, невелик.

– Парадник, не домовик, – сказал Мал Тихомирыч, делая ударение на второй «а». – Пятеро нас на дом, по числу парадных.

– Значит, все-таки парадные, не подъезды, – развеселился я, вспомнив недавние мысли на этот счет. – Даже в нашем панельном монстре семидесятого года выпуска.

– Подъездные – в граде Московом обретаются, – с достоинством сообщил старичок, вскинув вверх указательный палец. – В Петербурге – парадники. Понимание надобно иметь!

Тут я не выдержал, расхохотался. Мне вспомнилось, как Жан рассказывал Алие, что его отчество (очень уж нравящееся звучанием нашей казашке) было бы таким даже при другом

папе, поскольку ухаживали за его мамой одновременно два друга-тезки, один звался Флориан Сковрон, второй Флориан Парадник. Не такое уж и редкое имя, если учесть, что знакомство претендентов в отцы с матерью Жана происходило в Ницце. «Сковроном мог бы я не быть, но Флорианычем – обязан», – шутил наш пит-босс на радость Ах-Ах.

Бородач закашлялся, приняв мой смех на свой счет. И я вспомнил со всей очевидностью, откуда мне его голос знаком: то бормотание меж сном и явью, про Пантюхина с пятого и волосатика, мне не причудилось. И радостные охи я припомнил.

– Не примите на свой счет, уважаемый Мал Тихомирыч, – примирительным тоном произнес я. – Неделя выдалась очень уж нервная. Итак, кто вы – мы прояснили. Я вот – Андрей, этот мохнатый – Кошар. Он очень просился ко мне в жильцы и обещал вести себя безукоризненно, что, несомненно, подтвердит. Немедленно!

Последнее я добавил, глядя в кошачьи глаза, меняющие цвет с желтого на оранжевый с алыми всполохами.

– Не причину вреда этому дому, токмо ежели выбора между ущербом для дома и ущербом для Андрея не возникнет, – оставил себе лазейку Кошар, впрочем, в мою пользу, так что поправлять его я не стал.

– Давайте жить дружно? – улыбнулся я в духе мультипликационного персонажа. – Кошар, я чай принес из магазина. И пряники с печеньем, и хлеб с колбасой. Как насчет мирного чаепития и не менее мирной беседы?

Я донес все же летучий снаряд – полотенце – до стиральной машинки, затем набрал воды в чайник, разжег конфорку (за этим делом внимательно проследил Кошар).

– Домовые и овинники – не то, чтоб совсем недруги, – пожевал губами Мал Тихомирыч, но на выдвинутый из-под небольшого столика табурет взобрался молниеносно. – Но и не други.

Табуретов у меня было два, второй я вообще купил потому, что сдачи в мебельном по утру не было. Есть и пить в комнате, где стоял стол, мне не нравилось – далеко ходить с посудой было лень. Так что скрипучие стулья вместе с шатким столом давненько отправились на помойку, а в кухню была приобретена замена. Словом, после того, как я парадник расселись, места для Кошара не осталось, что бородача явно порадовало.

Шерстистый решил вопрос с размещением, заняв подоконник. И к чаепитию присоединился, причем перед этим лапы кошачьи потемнели, подушечки удлиннились, превратившись в подобие пальцев. Смотрелось жутковато, но чашечку придерживать не мешало, как и овсяное печенье к пасти подносить.

– Нет больше овинов, – повторил я за Кошаром (сам-то я слово «овин» только тем утром и узнал). – И он неприкаянный мыкался. Прогнать – погибнет.

– Не погибнет, – покачал головой парадник. – Но участь его незавидная...

– А к моему проживанию на... кхм... подведомственной территории вы как относитесь? – вставил я, не дожидаясь описания незавидной доли беспризорного духа в современном мире.

– Одобрительно, – вздохнул, явно разгадав мой маневр, бородач. – Слышал-таки.

– Слышал, – не стал я отпираться. – И потому надеюсь на благоприятное для всех нас решение возникшего конфликта. От слова я не откажусь, Кошара на улицу не выгоню. С вами воевать тоже не хочу. Я за мир и толерантность!

Парадник захлопал глазами-блюдцами.

– За терпимость я, – пояснил. – И дружелюбие.

Посиделки на троих растянулись примерно на час. Мы пили чай, выказывали друг другу расположение напополам с опасением, играли словами. Иначе говоря, вели торг. Предмет торга лупил распушистым хвостом по подоконнику да подливал всем нам чай из заварочного чайничка, и кипяточек.

Мы сговорились на том, что Кошар не покидает стены моей законной жилплощади (действительно моей, к слову: право собственности на меня ма оформила до того, как укатить к Эйфелевой башне), без крайней на то необходимости. Со мной вместе ему позволят выходить в парадную и заходить обратно, но без меня в недра нашей девятиэтажки ему лучше не соваться: навалятся впятером хозяева дома, пойдут клочки по закоулочкам. Я же подвизался на тушение возможных возгораний во всем доме, не только в пределах своей парадной. Для вида на этом пункте хмурил брови: мне в этом доме жить, я бы и без причины особой согласился в случае чего помочь. Как освою встроенную в себя паранормальщину, в которую и впрямь поверил, принял, как факт, где-то между встречей с еле дышащим манулом и знакомством с седовласым малоросликом...

Так добрым словом, чаем и печенюшками был улажен конфликт между двумя недружественными персонажами народных поверий. Кошар и Мал Тихомирыч позднее даже установят неплохие отношения, после того, как заревой бабушка шуганет пару домушников, да так, что тех в дурно пахнущем исподнем (прочее они поскидывают, так как оно затлеет на телах) надолго запрет в Скворцова-Степанова.

Вечерком, отославшись, я прокатился на привычной маршрутке до конечной – площади Искусств, чтобы прогуляться по Невскому и купить, наконец, средство мобильной связи. Наверняка это можно было бы сделать и ближе к дому, но мне нравились пешие прогулки по Невскому. Несмотря на обилие народа на нем в вечернюю пору.

Прошелся. Ко мне народ (при возможности обойти) «впритирку» и прежде не подходил особо. Тем же вечером я буквально шел по коридору в живом потоке. Люди сторонились, причем даже те, кого я обгонял – заранее отходили на шаг в сторону. И не скажу, чтобы мне этот эффект не пришелся по нраву. Удобно же!

В магазине, несмотря на обилие посетителей, я спокойно выбрал и приобрел свой первый мобильник, благо продавец от меня не шугался. Я не стал жадничать, и купил не самый дешевый из представленных вариантов, а тот, что разрекламировал парнишка: с вибровонком, смс на кириллице, со спрятанной в корпус антенной и выбором мелодий из тридцати пяти предустановленных и семи редактируемых. А еще в нем была «змейка». Из магазина я выходил с изрядно похудевшим бумажником, зато довольным, как слон, обладателем Nokia 3310.

Обратно до транспорта тоже прошелся с удовольствием. Встретил живописную компанию готов, тогда они еще не успели примелькаться, и потому привлекали внимание. В отличие от прочих пешеходов, эти не стали уступать мне дорогу. Девушка с выбеленным лицом и черными губами даже потянулась ко мне, уж не знаю, с какой целью, но ее придержал «проклепанный» приятель с ирокезом. Я пошел себе дальше: после Миши эти расписные ребята казались какими-то... ненатуральными.

– С-сладенький, – в спину мне прилетел эдакий комплимент.

Дома меня обнюхал Кошар, после чего заявил, что я должен быть осторожнее и не бродить по улицам в вечернее и уж особенно в ночное время.

– Вдругорядь уцепить могут, – аргументировал он, ударив по полу хвостярой.

– Ты в скитаниях нянькой не подрабатывал? – склонил голову на бок я. – Не довелось?

Кошар с пола прыгнул на полку над вешалкой, где должны храниться головные уборы, а у меня хранилась пыль. Махнул хвостом, да так, что я еле успел увернуться от облака пылищи, и умчался в кухню. К газовой плите и пачке овсянки. Обиделся.

Второй выходной прошел приятно: мы с Находько провели его в маленькой сауне, хозяин которой был весьма чистолюбив. Это отражалось как на состоянии сауны, так и на ее сотрудниках. Я так понял из разговоров, случайному человеку не попасть в ту парную, где балдели под умелыми руками мы с Максом. Мне вот повезло иметь Шпалу в знакомцах.

Джо с нами не было, ему вообще днем дозвониться сложнее, чем до Смольного.

– А еще что-нибудь расскажи! – просила Ташу Оленька со странной смесью ужаса и восторга на лице.

Мальчики-пингвины как бы поправляли бабочки у зеркала в сторонке, но уши грели оба.

Кажется, я понял, почему люди любят ужастики и разные триллеры: слушая (смотря, читая) леденящие кровь истории, они и прикасаются к волнующему, пугающему, как бы становясь сопричастными, и выброс адреналина свой получают, и при этом не покидают свою зону комфорта. Очень удобно.

Откуда я знал, что рассказывала Бартош Овце, если я только зашел в стафф? Так никто никогда не слышал от нее других историй. Или не хотел слышать. Это, вон, Кононова может с восторгом описывать, как их на восьмое марта катали на казиношном лимузине, загрузив в салон сколько-то ящиков шампанского. Уверен, Ташиной ноги в том лимузине не было бы, случись ей работать с Лошадью вместе в ту пору. Зато всяких пойманных на мухлеже и за то пробитых авторучками ладоней, летающих предметов, вскрытых черепов – этого в памяти Бартош столько, что можно часами рассказывать.

– На третьей неделе моего стажерства я стояла на маленьком покере, – ровным голосом принялась за рассказ Таша, сложив кисти на закрытой книге в мягком переплете (Ремарк, «Три товарища» – это я пригляделся). – Маленький, потому что ставки от пятидесяти рублей в анте. С опытным инспектором, конечно. За спиной, через стену – бар, там какие-то громкие разборки, но они там каждый день, никто не дергается.

– Каждый день?! – воскликнула Оля, прервав рассказчицу. – Ой, извини.

Я эту историю уже слышал, но остановился у двери в мужскую раздевалку, послушать. Время позволяло, а ровный голос этой девочки всегда меня успокаивал.

– Я делаю очередной шафл, мне подрезают колоду, – продолжила, как ни в чем не бывало, девушка. – И тут мой инспектор ойкает, приседает и в полуприседе просачивается в стафф. Стафф к нашему маленькому покеру как раз ближе всего. Тут же под рулетку напротив меня прячутся дилер с инспектором, игроки все куда-то разбегаются. Кроме одного, за моим столом. Мимо пробегает пит-босс, тоже в стафф. Это все очень быстро происходит. Я начинаю крутить головой: непонятно же, что случилось? И вижу двоих в проходе в полутора метрах от моего покера со стволами.

– Ах! – попыталась вырвать законные лавры у Алии Овца.

– За столом сидит один игрок, спокойно поигрывает фишками, курит, наблюдая за сценой. А у меня в голове одна мысль: «Можно ли мне сдавать карты, если у меня нет инспектора?»

– Серьезно?! – всплеснула руками стажерка.

– Да. Это меня очень тревожило. По правилам нельзя, я же стажер, но инспектор на момент расстановки анте была на месте. В том, что она покинула стол, моей вины нет. Перевесило мои сомнения то, что к четырем боксам со ставками прилагался только один клиент, так что я его спросила, можем ли мы подождать, пока другие вернутся?

– Да ну, неужели не было страшно? – не верить словам Таши можно, если не знать ее чуть лучше.

– Они же не на меня направляли стволы, – пожала плечами Бартош.

Не дожидаясь завершения потока вопросов вроде: «А если бы?! А часто такое бывало?» – я пошел переодеваться. Если бы дурочка Оля не перебивала, уже бы узнала, что в финале истории выстрел-таки прозвучал. У одного из участников разборки слегка сдали нервы. Никого не задело, бандит был псих, но садиться за огнестрел не хотел, так что пальнул в потолок, для пущей убедительности аргументов. После пальбы на тех двоих навалились свои же, разняли: лучше сами, чем если менеджер исполнит угрозу и вызовет ментов. Охрана, успешно отморо-

жившаяся в баре и зале с игровыми автоматами, после того, как вывели спорщиков, громко и уверенно уверила клиентов, что ситуация урегулирована. Менеджер распорядился о выпивке за счет заведения, пит-босс и дилеры тонкой струйкой потянулись обратно в зал, дергаясь до самого утра на малейший шорох.

Под шумок из флота большого покера уволокли стек крупного кэша, но видео-наблюдение в кои-то веки отработало свой хлеб. Кэш вернули. Мужичка, оказавшегося слишком глупым, чтобы попытаться разменять стыренные фишки в ту же ночь в кассе, немножко прессанули. Дилеру, не закрывшему флот хотя бы просто крышкой перед побегом, выписали штраф. А, если бы не нашелся вор, то и сумму украденного вычли бы из «зэпэ». Собственно, только по этой причине работники узнали о судьбе кэша и мужичка – просветили перед всей сменой девочку-крупье о всех вариантах последствий.

Ташу сняли со стола после того, как она закончила-таки ту раздачу, над которой зависла: сдавать или не сдавать? Пит-босс потом в стафф-рум ее долго пыталась, почему она не убежала вслед за инспектором, и удивлялась ответам. Таша удивлялась, чему удивляется пит-босс, и почему вообще ей нужно было убегать? Тогда ей рассказали несколько историй маленького городка, где пули летели чуть реже, чем фишки, с рикошетами от металлических плафонов над столами, прострелами конечностей и одной, самой безрадостной, историей с выстрелом в глаз.

Вся эта ситуация не научила Ташу бояться за свою жизнь. Зато она сделала для себя вывод: в аховой ситуации надо накрыть флот крышкой. И даже, в особых случаях, лечь на крышку сверху для надежности. Пуля-дура, она может пролететь мимо, а украденные фишки – это огромная дыра в бюджете.

Игрок, просидевший за Ташиным столом, пока другие драпали, перед уходом передал через бар для Бартош бутылку шампанского. После открытия в том казино чай крупье принимали только «натур-продуктом» – тем, что можно было купить в баре, то бишь шоколадками, соками и алкоголем. И попросил передать на словах: «У малышки есть яйца».

У малышки просто были проблемы с инстинктом самосохранения, а шампанское было распито по утру всей сменой. Бартош не жадная, и к алкоголю относится с прохладцей.

Когда я вышел из раздевалки, Ира, сегодняшний пит-босс, уже раздавала назначения по столам.

– Бельский! – махнула рукой она, завидев меня. – Я в курсе про ваши договоренности, но ты идешь дилером на первую рулетку. Шаева отдыхает.

– Может, пусть почипует? – если Ирина хотела меня огорчить, то это она крупно промахнулась.

Тянуть Овцу до высокого звания дилера я не рвался, а рулетка – мой любимый стол.

Девчонке сидеть в стаффе бесполезно, это только опыт просиживания зада принесет, а так хоть пальцы разомнет.

– Ладно, – пит-босс выгнула бровь, но не стала никак комментировать мое предложение. – Тогда Маленький на отдыхе.

Это даже не прозвище, а настоящая фамилия вихрастого очкарика. Впрочем, его уже успели окрестить Гигантом, то ли от противного, то ли у кого-то с чувством юмора беда.

– Ир? – заглянул в стафф Антон, второй сегодняшний пит-босс.

Та махнула папкой, напомнила про пять оставшихся до смены минут и вышла.

Эти двое забавно друг дружку дополняли: коротко стриженная, никогда не красящаяся, слегка мужиковатая Ирина, и мягкий, ухоженный Антон. Из них двоих маникюр делал как раз Тоха, Ира на это плевала, как и на должностные инструкции на сей счет. Зато Антон влет считал выплаты по устным ставкам любой сложности. Именно он учил нас считать комплиты. А Ира была «свой парень». Она дымила в окно мужской раздевалки (женская упиралась в менеджерскую и зал, там окон не было), крыла матом как заправский сапожник, и лихо решала любые конфликты.

– Пять минут, пять мину-ут, – пропела ей вслед Обуреева. – Шифоньерчик, ты свою Овечку от тела не отпускаешь теперь ни на миг? М-м, а это правда, что тебе разрешено делать с ней все-все?

Оленька зарделась, я привычно проигнорировал нашу язву.

– Он-то Шифоньер, а у тебя пустая антресоль, – без намека на эмоции высказала Бартош, откладывая книгу на уголок спинки дивана. – И эхо, эхо, эхо...

У нас прекрасный, дружный коллектив. За некоторыми исключениями, вроде Майи.

За первой рулеткой творился карнавал: трое латиносов, одна азиатка (я их совсем не различаю, мне едино, кто китайцы, кто тайцы), помятый и усталый русский переводчик и с пятток «болельщиков» разных мастей. Латиноамериканцы засыпали поле зеленым, черным и желтым цветами, азиатка играла по шансам, гранича с максимумом стола. Русский очень извинялся, но переводил, что, по мнению его клиентов, квалификация у крупье весьма низкая. Настоящие и детальные высказывания эмоционально жестикулирующих «туристов» я предпочел не знать. Очевидно же, там ничего нового, только на красиво звучащем языке.

Вообще, обычно такая публика нас обходит стороной. У нас демократичное место, не пафосное. Ни тебе колонн мраморных, ни позолоты. Крупье до идеала не вышколены. Даже английский выше уровня «школьной программы» не обязателен для приема на работу.

В любом случае, это веселее, чем обучать пугливую и не шибко умную стажерку.

А потом я глянул в сторону флота. Мне пришлось постараться, чтобы не уронить челюсть: фишек крупного номинала в нем фактически не осталось. Вообще, нам не вдалбливали, что клиента надо непременно обыгрывать. По рассказам дилеров со стажем, во многих местах «сливать» или «отдаваться» – это чуть ли не смертельный грех, достойный порицания и презрения. Мы к проигрышам относимся спокойно: «побеждающий» казино игрок обычно оставляет чай, если не жмот, а еще они (игроки) имеют свойство возвращаться. И приносить обратно весь свой выигрыш. Правда, это не относится к таким вот явно заезжим персонажам.

Макс уже сменил инспектора, Оленька встала на место чипера. Предыдущий, тоже пингвин, просто высыпал из рук набранные фишки, «зачистил» руки – это когда мы показательно вытираем открытые ладони одну о другую, показывая (в основном на камеры), что в руках ничего нет – и помчался в сторону свободы, то бишь, стаффа с раздевалкой. А я пока стоял близ текущего дилера. Спин он закрутил длинный, потом выплаты, в это время меняться нельзя. Только после снятия доли с номера парень из дневной (забыл его имя, он из опытных) мог покинуть стол.

Выпала шестерка, средне засыпанная цветом, были в разы более загруженные номера. Крупье зачистил поле, и начал оплачивать шансы. Сыграли: малое, черное, четное, первая дюжина, третья колонна; именно то, что поставила азиатка.

Я сменил «дневника», закрутил от шестерки. Как и мой предшественник, я делаю длинные спины, оборотов сорок-пятьдесят. За это время можно поле нагрузить по полной. Чем и занимались латиносы. Азиатка же закрыла глаза, приложила руку к броши в виде стилизованной сосновой веточки (очень похожей издали на настоящую), затем быстро раскидала ставки: черное, нечетное, малое, вторая дюжина, вторая колонна. Я объявил завершение ставок, шарик сделал еще несколько оборотов и аккуратно закатился в семнадцать. Поясняю: семнадцать – черное, нечетное, малое, вторая дюжина, вторая колонна.

Я поставил доли, зачистил стол, раскрыл номер для инспектора (так, чтобы с его позиции было видно, сколько где и каких фишек). Выгреб из флота почти что крайние остатки кэша на оплату шансов. Постучал пальцем по пластику, мол: «Еще раз, и тут будет пусто-пусто». Услышал в ответ, что скоро поднесут новые фишки. Вздыхнул, глядя на неловкие Олины пальцы. Хороший чипер уже бы больше порядка навел, и в первую очередь собрал бы те цвета, которые нужны для выплаты, а отличный чипер посчитал бы и подготовил «нарезку»:

крайне редко выплата бывает ровной, чаще всего надо или с полного стека срезку делать, или дорезать нужное количество (если жетонов меньше четырнадцати). Оле до отличного чипера было так же далеко, как от Питера до исторических родин наших «туристов».

Закрутился новый спин, возле стола материализовался Драган с подносом для фишек (это такой пластиковый короб с отделениями внутри и замочком снаружи). Азиатка снова смежила веки, приложив кончики пальцев к брошке. Расставила кэш на: красное, четное, большое, третья дюжина, третья колонна.

– Мудан, не следует, – едва слышно сказал Драган на русском, затем еще что-то добавил на незнакомом мне языке.

Шарик, почти уже завершивший вращение, бешено заскакал в барабане, стуча о дефлекторы. Я почти видел, как он закатывался в номер тридцать шесть перед тем, как начать эти скачки.

Азиатка склонила голову, ответила менеджеру на том же незнакомом языке, бросила горсть тысячных фишек, добавив без малейшего акцента:

– На чай, – после чего встала и прошествовала к кассе.

Загалдели латиноамериканцы, отчаянно жестикулируя.

– Они просят выплату и размен в деньгах, – со вздохом сообщил переводчик.

– В кэше? – уточнил Макс, хотя тут разночтений не могло быть, обмен наличных на фишки за столом производится, а обратно – только через кассу.

Мы завершили дела с «туристами», следом за которыми испарились и «болельщики». Загрузили свежим кэшем почти разоренный флот. Меня подмывало спросить Драгана, что же он такое сказал азиатке, но в хороших отношениях мы не были (и никто не был, сербы держались наособицу), а излишки любопытства имеют свойство выливаться в неприятности. Это мне после одного горящего гаража точно известно.

– Я тебя помню, – указал на меня пальцем серб. – Ты был *прѡст. Дѡбри*.

И ушел, я только рот успел открыть, чтобы все же спросить об уточнении.

Сменили нас всех троих одним стажером Пашей. Поскольку рулетка опустела, его туда поставили манекеном, чтобы было видно: сюда можно идти с фишечками, открыто! Заодно, пока стоит, закручивать спин потренируется. Пит-боссы дружно закатывали глаза, показывая, как «хорошо» у всех стажеров летнего набора со спином дела. В дневной смене парень зарядил клиентке почти в глаз, скандал был жуткий, Ненад потом чуть лохмы на голове себе все не выдергал.

Димка как-то под пиво разболтал, что положение Ненада в нашем чудном заведении самое шаткое, его вообще у нас быть не должно было. К нам на открытие должен был прибыть менеджером югослав с таким стажем, что иные не живут столько. Но того югослава в последний момент сманили в первопрестольную. Так подхватили Ненада, и, случись необходимость в кадровых перестановках, под ним стул зашатается в первую очередь. То-то наш хоббит злой такой...

– Андрей, ты же видел, видел?! – стоило закрыться двери в стафф-рум, прорвало Овцу. – Как она это делала? Типа в шар хрустальный глядела? Шарик заговаривала? Как?!

– Если под хрустальным шаром ты подразумеваешь стакан с соком, то так оно и было, – хмыкнул Макс. – Такая большая, а до сих пор веришь в сказочки...!

Без фирменного непечатного Находько был бы не Находько.

– Совпадения случаются, – поддержал я Макса, стараясь, чтобы голос звучал убедительнее. – А как не совпало, так она и улетучилась.

– Да нет же! – не унималась Оленька. – Точно вам говорю, что-то эта тетка знала.

– Ага, я понял: ты так медленно собирала фишки, потому что разгадывала тайны вселенной, – поддразнил я. – Спустишься с небес на землю, девочка. Твое дело не ворон считать и не фантазировать, а чиповать, учиться считать выплаты да помалкивать в тряпочку.

– Надо будет эту идею знакомым подкинуть для зомбоящика, – Макс развалился на диване, вытянув ноги. – Запустить... шоу со всякими экстрасексами... пардон, мадмуазель, экстрасенсами, гамадриадами и потомственными чернокнижниками. Пусть они угадывают номера на рулетке, клады ищут, могилы со свежими жертвами маньяков на кладбище находят. Огонь идея! Назвать: «Мистическое противостояние». Нет, лучше – магическое, так..., звучит убедительнее.

– Порнографическое, – по лесенке из ВИП поднялась Алла Кононова. – Е...стическое.

Лошадь сняла с левой ноги туфлю, запустила ее с силой в стену над головой Макса. Вымастерилась так сочно, что Шпала (даже не дрогнувший, пока в его сторону летел снаряд) зааплодировал. Сняла вторую, с правой, швырнула в доску с графиками смен и объявлениями для персонала. Добавила еще одну тираду на могучем нашем языке.

– Сегодня обучение не состоится, – констатировал я. – ВИП-зал занят.

Алла подобрала обувь, кликнула электрический чайник.

– Кто-нибудь будет кофе?

– Мне со сливками сделай, Лошадушка, – подал голос Находько, совмещая в одном прозвище Лошадь и Душку (так порой за открытость характера Аллу называли тоже).

Не стоит думать, что Кононова поехала кукушечкой, или что она одна такая. Нас тут всех порой срывает. А Алла живет по принципу – не переполняй чашу. Выбесили – запули обувкой в стенку и сбрось эмоциональный пик. Встрепенулось высокое (или не очень-то) чувство – не трать время на душевные метания. Потянуло к пироженке – покупай и ешь ее, хочется весело провести время – проводи. Не раз бывало, что после посиделок Лошадь тыкала пальчиком в приглянувшегося коллегу и спрашивала низким, бархатным голосом: «К тебе или ко мне?» – и крайне редко нарывалась на отказ. Этот ее голос пробирает до пяток.

В казино вольные нравы: связи на раз тут в порядке вещей, бывает, что и семьи складываются. И рушатся прежние под весом накапливающихся недопониманий, разности графиков и обид... На интрижки все смотрят сквозь пальцы, до тех пор, пока те не несут ущерба заведению. Так, Кононова может спать с кем угодно из дилерского состава, но лучше ей не связываться с кассирами, охраной или (ой-ой) официантками. Ведь такая связь – это гипотетическая возможность обналичивать кэш, а доверчивостью начальство не грешит, что целиком согласуется с должностной инструкцией.

Вполне себе у Лошади жизненная позиция, я считаю. Вреда окружающим не наносит, разве что пингвина-девочку в ступор вогнала витиеватостью и насыщенностью фраз. Так это ничего, той полезно просвещаться: больше услышит по эту сторону дверей стаффа, меньше удивится, когда подобное польется с той, игроков, стороны в ее, пингвина, адрес. А это случится, как бы не оберегали начинающих крупье наши заботливые пит-боссы.

Я тоже не чужд нецензурицины, хоть и предпочитаю высказываться вроде: «Я сейчас пойду искать на карте мира Катманду, извольте следовать за мной, пожалуйста». Карта мира – это вообще поле непаханое для оскорблений. Помнится, назвал мне па однажды местечко в Новой Зеландии – *Тауматауакатангиангакоауауотаматеапокануэнукитанатаху, так у меня на середине прослушивания уши в трубочку свернулись, а ему нормально, не запнулся даже, произнося сие названьице. Или его привычная шутка в период сессий о единственном отличии студента на экзамене от столицы Камбоджи: столица – Пномпень, тогда как студент пень пнем. Для совсем непонятливых есть городок в Канаде с названием Дилдо, а уж сколько всякого абсурда на просторах необъятной нашей родины, от Большого Куяша до Верхнего Зачатья... Очень помогает, кстати говоря, знание географии в пустые смены, при игре в города.*

Эта вот смена, выпавшая на будни, пустой не была, даже ВИП до самого утра проработал. Его заняли спортсмены, гордость и надежда нашей сборной, которых лично мне хотелось прикопать тихонечко. Как однажды Миха (белорус и любитель черепашек) советовал: в тиши и тьме, мол, утихают страсти, приходит понимание своего места в мире, а как откопаешься – все вокруг такое яркое, и дышится особенно хорошо.

Мечты мечтами, но в относительной узде этих, которые гордость, удерживал только вид Драгана, стоящего у бара, поодаль от игровых столов. Менеджер подкидывал монетку высоко в воздух и ловил одним из пальцев. В полете монетка находилась долго, а в то время, как один из профессионалов спорта (я не стану говорить какого, лишнее это, люди они публичные) потянулся через стол, чтобы схватить дилера за край жилетки (тот вскрыл у себя каре против флэша), желтый кругляш и вовсе завис в воздухе. Я это заметил, потому как стоял инспектором и краем глаза отслеживал поведение серба.

Кое в чем скидывающая излишки эмоций Кононова права: поколебать душевное равновесие может любая мелочь. Меня вот вразумила эта монетка.

– И на Пустой луг в полную луну забредать не смей! Даже днем не советую, а уж ночью – косточек не останется, там своих, от коровьих до людских, валом навалено, новым места не сыскать, их водные духи на побрякушки до зари разберут.

Это Мал Тихомирыч вещал, уплетая торт Муравейник, с зарплаты принесенный в дом. Я не особый любитель сладкого, тортик покупался в качестве угощения и некой платы за беседу. Глупо ведь: ничего не зная о свалившейся на меня небывалищине, не расспросить пару нечистиков, с которыми у меня вроде как налаживался контакт. Об опасностях, о возможностях...

– Ты про поле Потешное? – уточнил Кошар, всколыхнув во мне понимание, о чем парадник речь вел – о Марсовом поле.

Там еще после февральской революции косточек зарыли немало, это каждый знает.

– Про него, поганое. Ох, как на нем утопцы резвятся, да девки тинные, да водник пузо греет под луною.

– Я столько раз мимо ходил, вроде живой, – слегка поежился. – Не совсем впритык, вдоль Фонтанки.

– То прежде было, – парадник смешно покачал своими лохмами. – В прошлом году было твое вроде. Теперь если один идешь, да луна полна, сторонись, а лучше езжай на этой, как ты называл повозку самобеглую?

– На маршрутке, – подсказал я, подкладывая на опустевшую тарелочку перед парадником новую порцию сладенького. – А чем она мне поможет?

– Железо, людишки, быстрота, – загибая пальцы, перечислил Мал Тихомирыч. – Мы существуем медленно. Исстари как повелось, так и не сменилось. Покуда почуют, покуда потянутся, тебя и след простыл.

– Невелик дело говорит, – вальяжно потянулся на подоконнике Кошар. – Но ты понимание имей: таковое к простым духам относится. Те, что в человечьем теле ходят, в разы опаснее.

– И ездят не на маршрутках, а на гоночных тачках, я понял, – покивал, хлебнул чаю.

– А по Обводному и ездить не вздумай, не то, что ходить! – встрепенулся мой седовласый советчик. – Зло растревоженное не уснет веками, людишек-то оно губит, а тебя и вовсе смаковать станет. Ох, участь недобрая у тех, кто в его водах канул... Ни за какие коврижки не ходи повдоль Новой Канавы, Андрей! Под страхом смерти не ходи!

На этом парадник резко засобирался, отказавшись делиться подробностями. Была, я помню, какая-то нехорошая история про строительство теплотрассы в двадцатых, но в чем заключалась – это не ко мне. Одно то, как парадник разнервничался, о многом говорит. Нечего мне делать на Обводном, галочку себе поставил.

– Теперь ты, хвостатый товарищ, – обратился я к Кошару. – Скажи что-нибудь дельное, для выживания нужное и важное.

Он хлопыстнул хвостом по подоконнику, напомнив о давешнем пыльном облаке и тому, что его предвляло.

– Был не прав, – сказал я: ошибки признавать никто не любит, только настаивать на своих заблуждениях – это свойство баранов. – Про няньку. Совету о разумной осторожности внял, обдумавши.

Серьезно, манера речи моих новых знакомцев из преданий старины далекой на меня влияет ого как. Того и гляди, привыкну, начну подобно «соловию старараго времени» высказываться.

– Доля и Недоля справно ткут, да вяжете узлы уж вы сами, – вздохнул Кошар. – Что ты хочешь услышать, Андрей?

Я сделал большой глоток чая, повертел в руках чашку, задумавшись.

– Я о своем сродстве с огнем знаю только с чужих слов. Ты говоришь, тот служивый утверждал... А сам я его даже не чувствую. Это как иметь счет на огромную сумму в забугорном банке, но не знать к нему кодового слова, без которого ни гроша с этого счета не выдадут.

Затрепетали усы, желтые глаза закрылись.

– Сила великая, сплывилась с сутью накрепко. Вот что скажу: на голые камни сколько зерна не сыпь, всходов ждать не след, да и на худой земле налитого колоса не поднимется. В твоих предках кто-то могучий был. Силу не передал, но кровь не водица, все помнит.

– Мои предки: домохозяйка и профессор университета, – покачал головой я. – Бабушки и дедушки умерли до моего рождения, я о них мало что знаю.

– Не мне искать истоки твои, – махнул лапой Кошар. – Мне б сберечь твою буйну голову... Позови его.

– Огонь позвать? – слегка оторопел я. – Как? Елочка, гори?

– Да не голосом же! – заалели глаза у Кошара. – Покажу, но не долго, не те у меня ныне возможности.

Он приложил лапу к груди, вырвал несколько шерстинок, и те, взмыв повыше, вспыхнули тонкими язычками пламени, а на протянутой ко мне лапе лежал тлеющий уголек. Миг – и все пропало. Кошар как-то сгорбился, потемнел.

– Ты в порядке? – встревожился я, но мой собеседник и наставник по совместительству только лапой махнул.

– К ночи восстановлюсь. Мой огонь не чета твоему, ты звать – зови, но легонечко. А то тушить придется. И вот что в уме держи ежечасно: не ты – его, он – твой.

Я вздохнул: ждать от заревого батюшки доступных моему понимаю объяснений было наивно. Что же, стоит попытаться визуализировать по примеру, разве что без выдергивания шерсти: у меня на груди зарослей особых не имеется, да и больно это. Я представил так четко, как мог, уголек на ладони с язычком пламени над ним, и постарался внушить себе, что весь я нормальной температуры, а ладошке теплее, как в детстве в рукавике.

Таяли минуты одна за другой, я им счет потерял, раз за разом рисуя в воображении тот уголек. Лоб покрылся испариной. А потом это случилось: прямо на моей руке, над линией вроде как судьбы (хиромантией не увлекался, зато встречался одно, очень недолгое, время с любительницей разных гаданий) вспыхнуло переливчатое многоцветное сияние, больше всего похожее на северное, миниатюрную его версию. От изумрудной зелени к темно-бордовому, затем от солнечно-рыжего к тускло-фиолевому. Оно мало общего имело с тем, что я старательно представлял, зато было намного красивее. Жаль, что развеялось быстрее, чем я успел налюбоваться.

– Огонь небесный и огонь земной, живой огонь и огонь мертвый, все огни тебе подвластны, – с благоговением проговорил Кошар. – Он твой, помни, не ты – его. И ступай уже спать, тебе снова в ночь в твой вертеп.

График моих смен овиннику запомнить легче, чем простое название итальянского происхождения, означающее в переводе просто «домик».

Совет идти спать был верным, только мне не спалось. Все крутились в голове события прошедшей ночи, с азиаткой и Драганом. Овца не ошиблась: женщина шансы раскладывала явно не «от балды», это прям к гадалке не ходи. Как ей оно удавалось: заглядывала ли она в будущее, с духами ли советовалась или еще что – мне этого не узнать, нечего морщить извилины. Да и вряд ли я еще когда-нибудь столкнусь с этой дамой. Ее доходчиво на место поставил наш серб, выставив вон. После виденного можно утверждать наверняка: сам менеджер отнюдь не «прѡст».

А вот к чему были фокусы с монеткой? «Я знаю, что ты видишь; ты видишь, что я знаю?» – или тоже на место ставил? Нет, однозначно надо найти способ побеседовать с Драганом, хотя бы попытаться. Заставить его отвечать не в моих силах, так что вежливость и только вежливость, тоже, конечно, ничего не гарантирующая. Серб не из болтливых. И не из простых... Но это я на второй круг пошел, прав Кошар, спать нужно.

И вот еще момент: а с чего это вдруг Находько принялся разубеждать Овцу в ее догадках о ненормальном везении азиатки? Ему-то какой в этом интерес? Пусть бы девица пофантазировала, Шпала любит фэнтези... Нет, точно пора выключаться: такими темпами недолго счесть Макса тайным агентом на страже небывальщины. И со мной он общается, потому как мой папенька спас жизнь его папеньке (от какой-то страшной литеры в темном собрании книгочеев защитил, не иначе), взяв в качестве платы за спасение обещание беречь дитя свое (меня то бишь) пуще своего, родного, случись с ним (папенькой моим) беда. И мне стоит радоваться, что Макс не прекрасного пола, а то бы жениться пришлось.

– Спать, немедленно! – выпалил я в потолок, крепко зажмурился и отключился.

Снилось мне, как Кононова предлагает Оленьке поехать к ней, Овца скидывает туфли, шепчет с придыханием: «Последний выпавший номер – девять», – и ложится на стол. Не рулеточный, а почему-то бильярдный, но тоже с зеленым сукном.

Проснулся я злой, недовольный, помянул недобрым словом дедушку Фрейда. Вот только же позавчера посещал любимую сауну, с чего бы шалить подсознанию?..

Смена прошла ожидаемо уныло: унылая дерганая стажерка уныло изображала работу на рулетке. Я накрыл лицо ладонью столько раз за ночь, что к утру удивился, не обнаружив в зеркальном отражении отпечатка на лице. На одной из открыток от ма был снимок статуи Каина в саду Тюильри (что было подписано на обороте мелким шрифтом), так вот точно такую же позу и точно такой жест я воспроизводил практически всю смену.

Побеседовать с Драганом не получилось, он отсутствовал. Был Ненад, наблюдал со стороны за процессом обучения. Меня подмывало встать, подойти к «манагеру» и предложить ему сменить меня – ведь это он должен был натаскать что Овцу, что прочих пингвинов. Хоббит как чувствовал пятками, когда это желание становилось нестерпимым, и своевременно испарялся.

– Тебе легко, ты всю ночь надо мной издеваешься! – сорвалась под конец смены Оленька, блеснув слезинками в уголках глаз. – А я не калькулятор, могу ошибаться!

– Сколько будет: тридцать пять умножить на семнадцать, плюс одиннадцать на девять, плюс восемь на четырнадцать, плюс пять на пять? – игнорируя намечающуюся истерику, спросил я.

Зависла красна девица, как и бесчисленное количество раз до этого на хоть сколько-нибудь сложной выплате.

– Восемьсот тридцать один, – я озвучил, не дождавшись «отвисания». – И я такие примеры считал за секунды еще до тейбл-теста. Георгин, по отзывам, считает ненамного дольше, хоть и криворук фантастически. Он тоже издевается, или все же проблема в тебе?

Георгин – это третий из приписанных к нашей смене стажеров, его так девчонки прозвали, без понятия, за какие грехи. Так-то он Гоша.

Овца молча глотала слезы.

– Меняемся, – я встал с кожаного табурета, махнул рукой подошедшему Димке. – Побудь за инспектора? Чтобы наша ВИП-клиентка не подумала, что дилер ее дурит.

То он, то Жан время от времени спускались, чтобы узнать, как наши дела. Дела были скорбные, успехи крайне скромные.

– Пятнадцать минут, – кивнул пит-босс, правда вместо места инспектора встал за стол. – Черный цвет по двадцать пять мой.

И понеслось: Овца и наш непосредственный начальник засыпали поле горами фишек, я крутил, поправлял ставки, оплачивал, сам чиповал во время спина. Димка требовал заковыристые выплаты через разный кэш, кроме загрузки поля развлекался с устными ставками. Я отвел душу: люблю этот стол, в нем есть драйв, есть место для разминки серого вещества, есть ощущение, что ты держишь за самое-самое (за кошелек) всех, кто по ту сторону стола.

– Я так никогда не научусь, – с болью в голосе признала Оленька, когда прошли озвученные Димой пятнадцать минут, и еще пятнадцать, и еще...

В казино нет часов, кроме как у пит-боссов и в помещениях для персонала, так что о том, что мы малость увлеклись, поведал нам хмурый Жан, забежав за потерявшимся напарником.

– Учи таблицу, чтобы от зубов отскакивала, карточки зубри, считай сама воображаемые выплаты, – если Оля ждала жалости, то не на тех напала, Жан жалостливым не был, несмотря на все его добродушие. – Расти над собой, превозмогай. За полгода, если не ныть, а тренироваться, научишься. Мила тоже не умела считать, но поставила себе цель научиться – и научилась.

– А Мила – это?.. – робко и слегка пристыженно спросила стажерка.

– Жена.

– Она тоже в казино? В нашем? В другой смене? – засыпала вопросами пит-босса Оленька.

Я незнаю в какой раз за ночь прикрыл лицо ладонью: только что были драма и слезы, и уже расспросы о супруге. Женское любопытство – величина неизмеримая, видимо.

– Раньше работала, – проверив и закрыв флот, ответил Жан. – Ушла, как забеременела. Речь, вообще-то, не о ней.

Я, кстати, не знал, что жена его была дилером.

– Я буду! – вспыхнули стажерские щеки. – Учить и тренироваться. Тут сложно все очень, но... увлекает.

В первый раз с начала наших совместных мучений Оленька взглянула на меня без страха и даже без ненависти. А я впервые подумал, что из нее все же может выйти дельный работник нелегкого, но крайне увлекательного игорного бизнеса.

Когда после традиционного зачина на Малой Садовой кто-то предложил поехать в бильярдную, я, право, не удивился даже. Полученная накануне денежка требовала «продолжения банкета», а бильярд в столь ранний час уже работал – это было одно из разведанных нами мест. Столы свободные по утрам там практически всегда имелись. Еще там ценники на алкоголь вполне демократичные.

Свободных столов нашлось целых четыре: три американки и один русский. За последним обосновались Шпала с Джо, договорившись через партию меняться с пит-боссами. Мы с Иванидзе отвоевали одну из американок, опять же, через раз с девчонками. За другую встали Шипко и Коломийцев (я про этих парней еще не рассказывал, не приходилось к слову), с очередью из Окунева и Левентиса. Последний стол пожертвовали в пользу угнетаемых стажеров, потому как он был сильно в стороне от других.

Я свою партию слил относительно быстро: Рустам на уровень сильнее меня в бильярде, да и всех присутствующих. Он даже в каких-то специфических соревнованиях участие принимает время от времени. Как закончили, я пошел к приятелям. У тех наметилось серьезное противостояние. Мешать не стал, отчалил к бару. Там сидела Бартош с бокалом в одной руке и книжкой в другой.

– Что пьешь? – любопытствовал: содержимое пузатого бокала было разноцветное, украшено шпажкой с вишенкой, ананасом и чем-то оранжевым.

Мне казалось, в местном баре напитки простые и понятные: горькая, пиво, коньяк...

Таша подернула плечами.

– Вкусное, – и протянула мне бокал, намекая на вторую трубочку; не жадная девочка.

– Андрей, – позвал меня сзади знакомый до зубовного скрежета уже голос. – Научишь меня играть?

– Думаю, с меня достаточно на сегодня уроков и игр, – обернувшись, ответил я.

Не в форменной одежде Оленька выглядела еще симпатичнее: вырез на блузке, разрез на юбке, вроде как на грани пошлого, но еще не за ней, все нужные выпуклости и упругости подчеркнуты.

– Обратись к Алле, – посоветовал я в ответ на невысказанный упрек, на отказ Оля явно не рассчитывала. – Она хорошо учит таким вещам.

«Таким разным вещам», – додумал я мысль, подозвал бармена, попросил себе такой же, как у Бартош, коктейль. И полностью проигнорировал недовольное сопение за спиной.

Но мне было без разницы, что и по какой причине ей от меня понадобилось. Общество Овцы меня достаточно утомило в стенах казино, чтобы и свободное от работы время на нее тратить.

Питье оказалось приторно-сладким, и было передано Таше, я же себе заказал текилы. Порой стоит выпить лишку, или сделать что-то себе несвойственное. В философии Лошади есть здоровое зерно.

Либо ты сбрасываешь пар, либо пар сбрасывает тебя: с тонкой натянутой лески под названием «душевное равновесие», с ума, с моста.

И я только хмыкнул, когда, засобиравшись с парнями домой (Джо вызвонила его девушка), заметил Кононову, со спины приобнимающую Оленьку. В процессе уроков бильярда, разумеется.

Я уже говорил, что под окнами моего дома раскинулся парк. Ну как, парк: зимой и летом, если дожди не зарядят безостановочно, он парк, весной он – болотце, осенью – гряземеска. Но то по земле, а с балкона седьмого этажа вид круглый год весьма приятен. Беда, конечно, что даже к дню нынешнему в парке ни черта не сделано в плане водоотведения, зато постоянно пытаются куски зеленой зоны перевести под застройку. Деревья в парке посажены своеобразно, где густо, где пусто, но все равно – нравится он мне.

Что еще рассказать для полноты картины? Памятник «Колокол мира», с журавлем над колоколом, копия памятника жертвам ядерной бомбардировки Нагасаки. Ответный дар японской стороны на «Мать и дитя», установленный в их Парке Мира. В начале августа он звонит... Я пишу: памятник, а не памятники, потому как композиция из четырех гранитных арок, вложенных одна в другую, с аистом, вьющим наверху гнездо, откроется позднее. Текущим летом там только закладной камень.

Еще белочку можно встретить, если повезет.

С чего я вообще решил углубиться в зеленые, но не дебри? Так Кошар напросился на прогулочку, грамотно обосновав ее полезность, причем в первую очередь – для меня.

Речь о похмелье. Намешал я к пиву текилы поутру, конечно, зря, они мне и аукнулись при пробуждении. И спал совсем недолго, меньше четырех часов – это стандартная реакция моего организма на встречу птички «перепил».

– Апельсинку? – с издевкой (возможно, существовавшей лишь в моем воображении) спросил Кошар, когда я ввалился, взъерошенный и квелый, в кухню.

Он поддел когтем оранжевую кожуру, прорезал ее ровнее, чем я бы сделал с помощью ножа, и выложил на блюде нарезанный на четвертинки фрукт.

– Ни квашеной капусты, ни рассолу огуречного в хозяйстве не имеется, а бить клин клином я тебе не советую.

– Это подарки вообще-то, – хрипло выговорил я, поморщившись: дыхание ощутимо отдавало винной бочкой.

А «клин клином» – это заревой батюшка обнаружил, по всей видимости, пару бутылок абсента, непечатых, дареных и запыленных.

Я распахнул окно, подхватил с блюда сочную четвертинку, чтобы случайно услышать, как соседский магнитофон спрашивает меня голосом Земфиры:

*Хочешь сладких апельсинов,
Хочешь вслух рассказов длинных²?..*

Рассказов на болящую голову я не хотел, апельсин ел по рекомендации. А вот когда песня дошла до строчки с соседями, что мешают спать, заподозрил неладное. Понимаете, при работе по ночам, на сон отводится дневное время, шумное в любом многоквартирном доме. А у меня один сосед – любитель послушать музыку погромче, другой – запойный алкаш, поколачивающий жену, скандалы с воплями и грохотом со стороны их семейства мало уступают в частоте выходам программы «Время». На их фоне иногородняя соседка-скрипачка, снимающая комнату в той же двушке в конце коридора, где живут пьянчужка с женой, сыном и чьей-то матерью (не в обиду, я действительно не в курсе, кем приходится суровая громкоголая дама, мамой алкашу или тещей), смотрится сущим одуванчиком. Другие соседи тише и потому для меня незаметнее. С момента появления Кошара на моих квадратных метрах я перестал просыпаться от громкой музыки, от громоуханий, от визгов...

– Кошар, – было тепло, день еще не перетек в вечер, но меня холодком пробрало. – Ты ничего не предпринимал по отношению к нашим соседям? Они больше не будят меня днем.

– Ты меня с хапуном путаешь? – возмутился Кошар. – Дом твой укрепляю помалу, как обещался. Это с хмелю ты мыслишь криво, не иначе. Тебе бы живой огонь да сквозь тело пропустить – враз бы сняло хворь эту бражную.

Стоит ли говорить, что с таким стимулом я возжелал обучиться лечебному приему как можно скорее? А уж то, что при моем неумении обращаться с даром техника безопасности велит держаться подальше от легковоспламеняющихся предметов, как раз и привело меня в парк. Он довольно-таки обширен и не очень хорошо обустроен, да что там, откровенно плохо обустроен парк. Найти в нем уединенное местечко не проблема, особенно в будни. Собак, к которым прилагаются их владельцы, способен отгонять Кошар, и о приближении ко мне кого угодно предупредить он тоже может.

К сожалению, к собакам прилагаются не только владельцы, но и производимые четвероногими натуральные удобрения. Так что кеды для прогулки я надел поплотнее, а когда пришло время сойти с пешеходной дорожки на зеленую травку, пустил вперед манула с его потрясающим нюхом. И топал вслед за ним. Как же забавно было глядеть на вытянутые лица собачников, когда их здоровенные псы жались к хозяйским ногам, жалобно поскуливали, пропуская

² Строки из песни «Хочешь?» – Земфира, альбом «Прости меня моя любовь», 2000 г.

величественно вышагивающего Кошара с задранным вверх хвостом!.. Разумеется, без всяких пошлостей вроде шлейки выгуливался мой «котик». И он не походил больше на испускающего дух, это был гордый, уверенный в себе серый представитель семейства кошачьих (и славянского фольклора по совместительству).

Легкая прогулочная часть закончилась на расстилании туристической пенки за группой насаждений, удачно скрывающей меня от досужих взглядов. Пенка, как и боксерские перчатки, переехала со мной с родительской квартиры. Я полагал, что буду заниматься, но кроме как на пробежки по парку в погожие дни и посещения спортклуба раз в неделю-полторы-две ни на что меня после переезда не хватало.

С глаз людских мы ушли подальше. Беспокоило меня, что будет, если я в процессе освоения антипохмельного... то есть, живого огня, полыхну ненароком, и кто-нибудь заметит за кустами да деревцами иллюминацию. На высказанные опасения Кошар махнул лапой, то, мол, не моя забота, а его.

А потом пошла тягомотина: непросто убедить себя в том, во что веришь с оговорками, донести убежденность эту до того, во что и веришь, и не веришь. Еще и на больную голову... Да, сам видел, держал на ладони сияние. Да, не считал говорящего манула и босоногого малорослика своими воображаемыми собеседниками. Но что-то внутри противилось, мешало, ставило палки в горящее колесо.

Когда же эти внутренние «палки» под напором (я упорный, местами упертый, говорил ведь уже) сломались, абстиненция уже выветрилась ветерком. Подозреваю, на то Кошар и рассчитывал.

Волна тепла прокатилась по телу, окутала, будто пледом в холодную ночь, обняла, как живая. Она – эта часть стихии, огонь живой – с того первого объятия в парке ассоциировалась у меня только с женским образом.

– Ох-хо! – после этой волны у меня не только в голове прояснилось, по всему организму ощущалась такая бодрость, какого никакими дозами кофеина не добиться.

Кошар сдержанно похлопал подушечками передних лапок.

– А как часто можно такое проделывать? – спросил я.

Кошар подернул плечами, прям как человек.

– Малыми шагами достигать единства я б тебе советовал, Андрей. Лихо будет, ежели возобладает огонь над тобой. То говорил, говорю и говорить буду: он – твой, не ты – его.

– Ладно, – согласился я. – Вот над каким малым шагом думаю со вчера: мне б научиться огонек вызывать, небольшой, как от свечи или зажигалки. И наука, и контроль, и польза.

Тот случай у Фонтанки, когда я пригрозил неведомому обладателю синюшной конечности «высечь искру малую», неоднократно всплывал у меня в памяти. Вроде пустяк, а неприятно. Мне по Фонтанке ходить, не переходить. Блеф с зажигалкой – чистой воды шарлатанство (или правильнее в моем случае сказать: чистого огня?) – а я пустые угрозы терпеть ненавижу. Повторись кулачонку высунуться снова, мне бы страсть как хотелось ответ давать не выдуманый.

– Контроль и наука – дельно, важно, – согласился Кошар. – Слушай тогда...

Ясность ли мысли, от живого огня оставшаяся, то ли, что не впервые обратился к «встроенной паранормальщине» (мне это определение больше по нраву, чем пресловутая «сила»), но огонек на ладони нужного вида и размера зажегся скоренько. Я тренировался, доводя до автоматизма вызов язычка пламени, покуда не зажегся в небе закат.

– В дом пора, – высказал Кошар нашу общую мысль.

– Согласен. И в магазин бы забежать, есть охота. И твоих овсяных печенек прикупить, я видел, что закончились.

Он степенно кивнул, обойдясь без нравоучений об опасностях хождения после захода солнца. Либо рассудил, что я успею сбегать и вернуться до того, как солнышко окончательно за кромку закатится, либо пристрастие к овсяному печенью перевесило вероятные неприятности.

Сначала я завел в дом Кошара и взял денежку. Без бумажника, сунул в карман джинсов одну пятисотрублевую купюру. Без изысков и лишнего шика я в эту сумму из расчета на пару дней обычно укладывался, а считать ценники, чтобы не выйти за предел, дело несложное.

Задержался, очередь была на всех кассах. Тетушка на той кассе, что я наугад выбрал, и вовсе работала со скоростью мороженой камбалы. Ей бы точно не повредил заряд бодрости.

Бравурно насвистывая, с раздутым пакетом в руке, я подошел к парадной. Улыбнулся: для парадника сладенького я тоже прикупил, чтобы не серчал за сегодняшнее хождение овинника по лестничной клетке.

Перед дверью мялась девочка, какая-то потерянная на вид. Две русые косички, голубенькие бантики у основания косичек, пронзительно-голубые глазки. Открытое, милое личико.

– Заходишь? – придержал дверь я.

Девочка кивнула, зашла в парадную следом за мной. Дверь лифта для нее тоже пришлось придержать.

– Какой этаж? – спросил я участливо: дети не должны грустить и походить на брошенных котят.

Малышка захлопала ресницами. Я нажал на свой – седьмой. Спросил:

– Тебе выше?

Она отрицательно покачала головой. Лифт со скрежетом пополз вверх. Я закатил глаза: что мог, я сделал, вести эту потеряшку к себе или в милицию – нет, спасибо, хватит с меня добрых дел. Особенно непрошенных.

И тут малышка резко мотнула головой, по моей руке скользнул кончик косички. Сверкнула голубыми глазами, запела. Звук из ее рта шел такой странный, будто не живая дошкольница поет, а старая патефонная пластинка, с шумами, щелчками, поскрипыванием и царапающим слух выделением буквы «ц».

*– Плацет облаце,
Льеца водица.
Льеца водица,
Неугодица.*

И снова, тот же набор слов, как на повторе.

Банты расплелись, полились водными струями по беленькой блузке девочки, хлынула и изо рта вода, косички теперь были, как бегущие ручейки.

Я открыл было рот, чтобы выкрикнуть какую-то нелепость вроде: «Какой Ибицы хрень тут творится?!» – но язык не ворочался.

*– Плацет облаце,
Льеца водица.
Льеца водица,
Неугодица.*

Повторял распахнутый рот, из которого лилась вода. Распустились ручьи-косички...

Тело задеревенело, попытка протянуть руку, чтобы остановить лифт, дала только боль в конечности.

*– Плачет облаце,
Льеца водица.
Льеца водица,
Неугодица.*

Двумя потоками хлынула вода из голубых глаз.
В воде мое непослушное тело стояло уже по колено.
«Что естественный противник огня?» – вспомнил я вопрос служивого.
«Что естественный противник воды?» – с пронзительной ясностью подумал я.

*– Плачет облаце,
Льеца водица.
Льеца водица,
Неугодица.*

«Сварюсь», – осознал я четко и безальтернативно, обращаясь к тому немногому, что успел узнать о своей «встроенной паранормальщине».

Вода при удерживаемом живом огне разогрелась, вскипела неестественно быстро, паром заволокло все лифтовое пространство.

– Плачет... Пла... Пла... – заело, наконец, эту живую пластинку.

Девочка начала уменьшаться, будто таять, начиная с нижних конечностей.

Я орал – орал мысленно, безумно – моим нижним конечностям приходилось не легче. И держал бьющий из меня живой огонь, из последних сил, а как те кончились, так на одной незамутненной боли. Из моего носа что-то лилось, вряд ли водица, скорее, кровушка.

Вода перестала прибывать, когда в пузырящейся жидкости скрылась макушка моей несостоявшейся убийцы.

Когда лифт остановился, с треньком и скрежетом разошлись его двери, боли в ногах уже не было. Я их – ног – не чувствовал ниже колена, как и не было их вовсе.

Топот маленьких ножек, всклокоченные волосы и шерсть дыбом – вот, что встретило мое рухнувшее тело. Упал я, когда остатки горячей воды вытекли из кабины, заструившись весело по железобетонной лестнице вниз.

Меня вытянули на лестничную клетку в пару рук и пару лап, и только тогда к телу начала возвращаться подвижность. По чуть-чуть, сверху вниз.

О том, что с тем низом, я не хотел думать.

– Ведро! – скомандовал Кошар. – И ни одна дверь не должна распахнуться!

Парадник метнулся, пропав из моего поля зрения.

«Зачем?» – вяло подумалось мне. – «Водица уже утекла, по семи этажам собирать теперь капли»...

Манул же когтями, как днем с апельсином, начал резать на мне одежду.

«Мне огонь не вредит, но одежда? Почему одежда целехонька?» – предавался я бессцельным измышлениям.

Шок – штука действенная, я его порцию выхватил порядочную.

Раздался скрежет металла по полу.

– Волосы проверь, – велел Кошар, вприпрыжку мчась с моими вещами в лапах к большому эмалированному ведру.

По голове зашарили маленькие ручки.

Туда и одежда, и белье, и кеды отправились. И промокшие продукты, рассыпавшиеся при падении, и даже полиэтиленовый пакет. Лапа манула щедро выхватила горсть собственных шерстинок, те искрами упали на вещи. Польшнуло.

Шерстистый поскакал обратно, осматривать и обнюхивать меня с головы до ног.

Мне осталось лишь апатично подумать, что как же я удачно не взял с собой бумажник, а мобильный брат не стал перед парком, так как незачем он мне там был.

Что они ищут, я понял, когда Кошар с шипением вытянул из царапины на руке, куда пришелся скользкий удар косичкой, рыбку чешуйку. Я и не заметил ту царапину.

– Теперь огонь живой по телу пускай! – спалив завонявшую стоялой водой чешуйку, потребовал от меня Кошар.

Что странно, пока вещи горели, ничем не пахло, хотя от паленых кед вонь должна была быть несусветная. Видимо, овиный хозяин как-то и на дым влиять был способен.

Я промычал что-то, сам не знаю что.

– Скорее же! – прикрикнул Кошар. – Нет воды, ее всю невелик собрал и выплеснул. Ну же!

«Хуже уже некуда», – подумал я и попросил проявиться свое живое пламя еще раз.

Объятия в этот раз вышли нежнее, теплее, стихия словно извинялась передо мной.

«Пустое», – мысленно изобразил улыбку я.

И понял, что чувствую свои ноги, все, целиком. Свои не сваренные ноги.

Так я узнал, что такое слезы облегчения.

Слезы по морщинистому лицу парадника катились, не переставая, при этом само лицо лучилось счастьем.

– Если б жешь... Кабы край... Я бы... Ох! – причитал Мал Тихомирыч, шмыгая носом.

Вот же: я в него при первой встрече полотенцем бросал, «тыкал», голос повышал, а в ответ такая искренность. Мне было стыдно. Очень. Поэтому я отводил глаза, высматривая что-то неведомое в глубокой тарелке, да работал ложкой.

Жор напал на меня после всего пережитого. Я как умылся да оделся, сразу ринулся на кухню, заранее зная, что мало что найду. Видел ведь, как в большом эмалированном ведре в огне пропал свежезакупленный провиант. Так что на предложение Кошара отреагировал без раздумий:

– Овсянку? Холодную? Буду! – хотя сроду в любви к овсяной каше замечен не был.

Еще я подумывал откупорить-таки одну из бутылок с зеленым напитком, но попозже.

Ел я, кстати, стоя. Ощущать саму возможность стоять, вышагивать по небольшой кухонке – это было как бальзам на сердце. Оба табурета заняли мои уставшие, не меньше меня пере-нервничавшие спасители. Особенно утомленным выглядел Кошар, он даже лупил хвостом в замедленном темпе.

Мой информационный голод Кошар уже начал утолять, ответив на животрепещущий вопрос: «Не бессмертен ли я часом с встроенным живым огнем?» По словам его, не все так восхитительно, как хотелось бы: очень скоро после повреждения тела надо обращаться к живому огню; серьезные повреждения он не исправит, руку, например, отрубленную не пришьет, не говоря про голову; от старения не убережет. Много побочных условий, не во всем мне понятных, но и то, что есть – бонус существенный.

– Живот натешил? – когда я донес до раковины пустую тарелку, спросил заревой батюшка, снова переключившись на речь, понятную мне в основном интуитивно. – Теперь рот свободен, говори говором. Что-то мы учуяли, что-то услышали, но и тебя послушать охота.

Вздыхнув, расписал словесно все события от парадной до седьмого этажа, максимально детально. Эти двое мне жизнь спасли, да и я сильно не прочь услышать их мысли о произошедшем.

– Невелик, поспрошай у своих про девчонку, хоть и зряшнее это, но поспрошай, – покачал головой Кошар. – Одежу, кроме бантиков с блузою, запомнил?

Это он уже мне.

– Юбка темная, вроде черная, – напряг я память: глаза ясные и банты эти все внимание на себя перетянули. – Или темно-синяя, не скажу точно. Обувь не помню. Гольфы еще были белые с двумя синими полосками, по верху широкая, пониже узкая.

Как с тем кактусом: не заметить что-то важное, но выцепить какую-то малозначимую деталь – это про меня.

– Мигом обернусь, – пообещал парадник и пулей метнулся к угловому кухонному шкафчику.

Лицо его к этому моменту уже высохло, что сбавило градус моей неловкости.

– Ненашенская девка, да то мы знали уж... – махнул рукой малорослик, открыв изнутри дверцу гарнитура, как и обещался, через пару-тройку мгновений. – Рыбень чешуйчатая, тьфу! И ты, ротозей, хорош! Сам своим словом, своей волей в дом ее впустил. То-то мялась она под дверьми, тряпками б ее отлупасили, ежели б не ты со своим доброхотством. То с помойки, вон, подберешь, то водяного дочу выпускаешь в дом... Добрый ты да бедовый, Андрей.

– Самоуверенный, неопытный неслух, – присоединился к обругиванию меня Кошар, пропустив невзначай мимо ушей выпад про «с помойки, вон».

– Русалку, что ли? – решил я по примеру шерстистого не заметить выговор моим умственными способностями, догадался уже, что сам подставился.

– Темень темная, – попенял мне представитель давно забытых мифических существей. – Сказки в детстве читал? Как мужик к речке губами прильнул, чтоб напиться, да его за бороденку водяник хватить и не пускает? Нет? Темень... Слушай, значит. Мужичонка в испуг, колошматит по водиче, брызги летят. Вопит: «Отпусти меня, не топи меня, хозяин вод! Что хошь отдам, что угодно проси, токмо не губи!» Водяной соглашается, но с зарокотом: отдать то, о чем не ведаешь, но что в доме тебя ждет.

– Так один ведьмак добавил себе немало приключений и опеку над не рожденной еще Цириллой, – не сдержавшись, вставил я. – С весьма схожей формулировкой.

– Поперебивай мне тут! Но ты прав, в доме мужичонки жена сына прежде срока родила. Тут сказы обычно расходятся. В одних говорится, что мужик тот – царь, и подменяет свою кровинку на дьякова или рыбакова сына, да жена, устыдившись обмана, вертает в обратную детей, не сказавши мужу. Тогда в срок отрока кидают в колодец, да следом за ним другой отправляется, выручать. Там испытания, суть да дело, добрый отрок женится на дочке водного хозяина, злой наказан. Другие бают, что сын в срок пошел к реке, исполнять слово даденое. Увидел там золотую уточку, залюбовался. Уточка на бережок, перья смахивает, оборачивается красной девицей. Вьюнош крадет перышко, знакомится с нареченной, влюбляется, там опять испытания и свадебка. Про тот сказ, что с царевым сыном, даже киноленту сделали, я на экране видел сам. На третьем мамаша одна с малым, так его оставляет смотреть фильму, а сама работать. Я и приглядываю, чтобы, значит, не стряслось чего.

– Меня за годы помотало по землям, – вздохнул Кошар. – Люд много где сказ такой имеет. Испытания разные: где-то по пути к невесте руки-ноги отрезать жениху приходилось, одной головою докатываясь до дома водяного, где среди дев али птиц выбирать нужно верную. И есть сказ об озерной деве, что полюбила человека, родила ему дитя, но тосковала на суше об озере. Тоска пересилила, и она поделила дитя, разорвав его на две части: половину оставила мужу, с половиной спустилась под воду.

– Жесть какая! – непритворно схватился я за сердце. – Про половины особенно.

– Люд где прибалтывает, где примысливает, – продолжил Кошар. – Но много что – чистая правда.

– Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок, – заговорил Мал Тихомирыч неожиданно для меня строками из Александра Сергеевича, причем не своим голосом, явно кому-то подражая, не иначе, припомнил какую-то «фильму». – От девок отсуленных чаще всего рождаются дочурки водников. Точно говорю, дочка водного хозяина с тобой разговаривала.

– Не назвал бы это разговором... – я пожегся, воспоминания были свежи. – Это что получается, она ко мне с Фонтанки шла?

– Что ты уже успел сделать тамошнему водяному? – на Кошаре – не иносказательно, натурально – потемнела шерсть. – Бестолковщина, он же большак среди водников града всего! Живо, без утайки, говори, что вытворил?!

Я, как-то вдруг засмутившись тогдашней своей уверенности в собственной правоте, рассказал про монетки, кулак и мою грозную реплику, с бензином и искоркой. Чтобы ничего не упустить, пересказал и эпизод на Литейном мосту.

– Не удивлюсь, если они связаны, события эти, – присовокупил к «делу» свое подозрение.

– Это – нет, забудь, – отмахнулся Кошар. – По граду водяных немало, Нева на участки поделена, у притоков с каналами свои хозяева. Ты всем им не по нраву, всем. И шалить с тобой станут – все. Но какой же ты балбесина...

– Я никому кулаками не махал, – возмутился я и тут же понял, как глупо выгляжу со стороны.

Как мальчишка, кричащий: «Он первый начал! Нещитово!»

– Ты швырял блескушки в его дом. До блескушек охочи русалки, особенно те, что малого срока под воду ушли. А блескушки – с твоих рук – жглись. Забыл, кто ты теперь? Тебе указали на неправоту, невместность, ты же возбужден. Красный молодец! Лицом красив, умом непрозрачив. Но нет, не думаю, что оттуда пришла к тебе вестница. Сказано: водица – неугодица, а не водица – гневница, и не водица – мертвица. Нет, дойти бы она дошла. Доплыла б рыбкою, канализация всюду раскинулась. Но не стал бы большак на мелкую мошку волну гнать. Ты потом ума поскреби по сусекам, извинения принеси, как положено. Но – неугодица...

– С прудов, чай, кладбищенских, мнишь, притащилась рыбеха? – встрепенулся парадник. – Неугоден им пламень у их вонючих луж? Две полосы: две воды да пена белая... Дела... С одного краю – правила не нарушены, с другого – огневик в своей земле.

Я выпал из их диалога, окончательно перестав что-либо понимать. Вроде не дурак, но слишком много аллегорий, и речь их, местами далекая от современности... Про полосы с трудом, но догадался: полосы на гольфах, две, по числу прудов на близком к нам Пискаревском мемориальном кладбище, один водоем больше, другой меньше, плюс канал еще. До этого дойти – много ума не надо, как и знаний.

Правила, земля, неудобница с гневницей – тут я забуксовал. Еще и организм после стресса и перекуса потребовал отпустить его на боковую.

– Канализация? – выловил я из общего (и для меня мутного) потока слово. – То есть, мне теперь с опаской ходить... кхм... в уголок задумчивости? Из трубы могут того...

– Ты из крайности в крайность-то не кидайся. То он большаку грозит, то по малой нужде ходить опасается. Отследить по воде – могут, в ту же Фонтанку ты своею рукою кидал монеты со своим следом, – пожевал губами Мал Тихомирыч. – Но навредить тебе тут – нет, тут моя власть. И его, с крупинку. Разве что по приглашению твоему, ты их раздавать горазд.

Он махнул седыми волосами в сторону манула.

И тут я покрылся холодным потом, поняв, что до седьмого этажа с теми темпами, что лилась вода, лифт не успел бы наполниться настолько, чтобы скрыть меня с головой.

– Постойте, это я, получается, убил девочку за «привет» от соседней?!

– Так уж и убил, – махнул хвостярой Кошар. – Когда я чешуйку жег, воду невелик уже выплеснул. Не сохлась дрянь эта, значит, хозяйка не в целости, но в Яви.

– Что это хоть за чешуйка? – спросил я чисто механически.

Грех брать на душу с убийством... пусть даже условно живого существа за просто так (за «показалось») я пока не был готов. Что там: если оставить в стороне нешуточный испуг от ее способа передачи информации, мне она была симпатична. До того, как вода полилась, но была ведь.

– Повязать тебя она хотела, – ответил не манул, а малорослик. – Душу взять в присягу она б не смогла, но и тело огневика в службу себе поставить, или подменыша сотворить – вполне почетно. Всего и надо было, чтоб ты утоп с ее следом на теле.

– Как мило! – всплеснул руками я, резко утратив остатки симпатии к малышке. – Пойду-ка я спать. Подсказки, как мне быть дальше, с радостью выслушаю утром.

Первым делом по пробуждении я не к «родным» нечистикам за продолжением беседы отправился, а позвонил служивому. Тому, который младший. Вообще-то номер его я сохранил еще в день покупки Нокии, но позвонить – вроде как не горело, я и отложил. А тут повод появился побеседовать.

– Приветствую! – поздоровался я, дождавшись ответа. – Андрей Бельский беспокоит, мы двадцать второго числа по печальному поводу познакомились.

– Помню, конечно, – отозвался аппарат голосом младшего лейтенанта. – Такое не забудется... Очень хорошо, что позвонили, мне как раз с вами связаться поручили. Мы можем пообщаться?

– Сегодня я целый день свободен, – заверил я Сергея.

Договорились встретиться в семнадцать тридцать на Финляндском. Хоть и суббота была, а служба и в выходной призвала работающего парня. Почему там? Не в дом же его звать, с котом ученым знакомиться. И мне в Невский район ехать сегодня резона не имелось. Нейтральная территория подошла нам обоим.

– С сыскарем разговаривал? – спросил Кошар, стоило мне появиться на кухне.

– У тебя прям ушки на макушке, – усмехнулся я. – А Мал Тихомирыч где?

– Занят он. Не один ты в этом доме проблемы создавать умеешь, – с укоризной ответил овинник. – С законником за вчерашнее молвить будешь? Дело не совсем по их части, но вреда от болтовни не будет.

– Тогда я чайку хлебну и еще раз за продуктами сбегаю, – сообщил пушистому. – Одной овсянкой сыт не будешь, и ту я вчера доел.

Вчера, честно признаться, думал, мандраж при выходе из защищенных стен появится. В лифте особенно. Оправдание перед сном заготовил сам для себя: пешком ходить полезно для здоровья, и бешеной собаке седьмой этаж не крюк. Но нет, при нажатии кнопки вызова лифта – абсолютный ноль.

«Как с гуся вода», – улыбнулся я сам себе.

Нет, так и не екнуло нигде.

Позже мы снова заседали на троих на кухне, лакомились сладостями (я конкретно прошелся по кондитерскому отделу, наполняя корзину), обсуждали насущный вопрос: как быть дальше? В том плане, что положительных точек соприкосновения у меня с водным миром нет и вряд ли таковые появятся в дальнейшем. Отрицательных же хоть отбавляй. Поскольку я упертый, и место жительства менять не намерен, придется мне как-то выкручиваться. И гордость отодвинуть в сторонку: если я сейчас упрусь, не пойду на какой-то компромисс, следующая вестница может пропеть песенку про другую водицу. По словам Кошара, человеку хватит капли мертвицы, чтоб околеть.

Он мне немного разъяснил про эти водицы: живица может на ноги чуть ли не труп поднять; неудобница лишает подвижности; гневица причиняет боль; мертвица – мертвит, исходя из названия. Названия вроде как нигде дальше нашего славного града эти не в ходу. Живую да

мертвую воду знают всюду, а ключи с двумя другими водами особо редкие. И тут отличился наш прекрасный город.

А вот как до мировой дойти с водниками, хотя бы некоторыми, с этим мне мои советчики едва ли помогли. Нет, они мне про табуны какие-то вещали да настоятельно советовали жертву принести. Желательно человеческую или хотя бы черного петуха, за что были посланы на ту же Ибицу, о которой я вспоминал накануне. Кому-то это, наверное, норма, но я к таковым не отношусь.

Не соприкасались почти мои сказочные знакомцы с духами вод: разные функции, разная направленность. Разве что с банником одним Кошар знакомство водил, так тот был охоч до черных куриц и ржаного хлеба. И до девчачьих попоек, что дурехи ради гаданий на жениха в дверной проем бани подставляли. Хлеб я на заметку взял, а про куриц предпочел «не слышать». Где взять девицу, готовую опустить неодетую попу в кладбищенский пруд, я представлял с трудом. Это нужны тяжелые препараты, мне кажется.

– Ладно, друзья-кошарики, закругляемся, – махнул рукой я, так как время к встрече со служивым подходило. – Мал Тихомирыч, мое уважение.

– Многого о нас не болтай с законником, – наказал Кошар.

Впрочем, я и без его упоминания собирался в беседе с милиционером оставить «за кадром» участие во вчерашних событиях этих двоих. Правда, придется если не врать, то умалчивать, чего я делать не люблю, но и подставлять новых знакомцев не хотелось бы.

В пути к вокзалу решил подсократить слегка события, опустив применение живого огня и последующее. Оставить в виде: как вода выше колен поднялась, створки лифта разошлись, я выпал, вода вылилась, девочка куда-то делась. Куда – без понятия. Все по правде, детали только подверглись редакции. Не очень складно, но, чтоб совета спросить по задабриванию водяных, должно хватить.

Сойдет, если этот Сергей Крылов не слишком въедлив.

С Сергеем мы договорились встретиться на площади имени вождя пролетариата. Правда, не совсем там, где он с броневичка толкал речь, а на одной из ближайших к ограждению скамеечек. Я предлагал встретить служивого на выходе из метро (а прибыть он собирался именно на нем), но он повинился, что может задержаться. Я спорить не стал, служба у человека. Прихватил с собой, чтобы не маяться от скуки в ожидании, «Волшебника Земноморья» Ле Гуин. «Волшебника» мне не так давно «сосватал» Шпала, а прочесть его я пока не успел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.